

12+

Анаис Хамелеон

The background of the entire cover is a vibrant space scene. A woman with long, flowing blonde hair, wearing a bright green, long-sleeved dress with gold embroidery and a wide gold belt, is depicted as if floating or dancing in the void of space. Her arms are raised, and her dress billows around her. To her right, a man with dark hair and a beard, dressed in a black, long-sleeved tunic, is kneeling on a sandy, rocky surface. He is holding a large, unrolled scroll and looking down at it with a serious expression. The space around them is filled with various celestial bodies: a large, detailed planet with blue and white clouds on the right, several smaller planets and moons, and a bright, glowing nebula or star cluster in the upper left. The overall atmosphere is one of cosmic wonder and mystery.

На что спорим?

СЮИТА ДЛЯ ДВОИХ С ОРКЕСТРОМ

Анаис Хамелеон

**На что спорим? Сюита
для двоих с оркестром**

«Издательские решения»

Хамелеон А.

На что спорим? Сюита для двоих с оркестром / А. Хамелеон —
«Издательские решения»,

Эрика и Макс не искали приключений. Но случайное прикосновение к древнему артефакту перенесло их в мир, где прежняя жизнь осталась за порогом: утренний кофе сменился магией снов, а университетские лекции — чужими законами. Перед вами история о том, как одно мгновение меняет не только жизни, но и основы мироздания. О том, что самая большая магия — это свобода воли. И иногда, чтобы обрести вечность, нужно просто остаться собой. А вы готовы узнать, на что спорят боги?

© Хамелеон А.

© Издательские решения

Содержание

Интрада	6
Аллеманда	14
Такт первый	14
Дуэт над временем	22
Такт второй	23
Такт третий	30
Такт четвёртый	35
Интермеццо	44
Такт пятый	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

На что спорим? Сюита для двоих с оркестром

Анаис Хамелеон

© Анаис Хамелеон, 2026

ISBN 978-5-0070-5978-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сюита пишется не нотами, а шагами.
Аллеманда — путь. Куранта — бег.
Сарабанда — выбор.

— Жизнь подобна танцу, где каждый шаг рождается здесь и сейчас. Это импровизация от первого до последнего вздоха.

— Сплетённый случайем узор недолговечен. Танец жизни подчиняется тем же законам, что и всё мироздание. Или заканчивается падением.

— Если ты так в этом уверен, давай заключим пари. Готов на деле испытать, чей принцип правит миром — твой порядок или мой хаос?

— Констатация факта — это не пари. Ты проиграешь.

— На что спорим?

И молвил Намтар, Писарь Судьбы:

— Всё во вселенной подчинено цепям причин и следствий. Каждая песчинка и каждая жизнь — лишь результат предыдущих событий.

И возразила Эrsa, Утренняя Роса:

— В самой сердцевине бытия сокрыты зёрна абсолютной случайности. Вспышка сверхновой или выбор человека на распутье равно освещены искрой непредсказуемости. Это и есть настоящая жизнь.

И создали Намтар и Эrsa Круг равновесия для определения оптимального мира, где их смертные воплощения, лишённые памяти и божественной силы, проживут человеческую жизнь. И постановили: пари разрешится в миг Пробуждения Искры, когда в сердце смертного носителя сущности вспыхнет пламя его истинной природы. Для Эrsa это будет акт спонтанного творения, рождающий нечто, не существовавшее в изначальном замысле мира. Для Намтара — акт абсолютного порядка, создающий закон, который не сможет нарушить даже хаос. Тот, чьё воплощение достигнет этого первым, определит изначальную природу реальности, и проигравший подчинит свою сущность воле победителя.

Интрада

Мир держится на трёх китах: на порядке, на хаосе и на утреннем кофе. И если Эрика в чём-то была стопроцентно уверена, так это в том, что кофе снова окажется неидеален. Её кофе по-восточному — лучший в своём роде! Напиток, вошедший в городские легенды. В нём снова найдётся изъян, о котором её уведомят без претензий и укоризны, сухо констатируя факт.

Воздух в кофейне «Со вкусом счастья» в этот ранний час густо пах свежемолотым кофе и мятой. Эрика Сэлина двигалась за стойкой в лёгком танцевальном ритме, расставляя чашки, и негромко напевала. Первые лучи утреннего солнца играли в её пшеничных волосах, выбившихся из-под форменной шапочки. Из колонок тихо лилась меланхоличная инди-мелодия, а за большим панорамным окном ночь медленно сдавалась, уступая место неяркому ноябрьскому рассвету.

Задумавшись, Эрика провела ладонью над увядшим букетиком мяты в центре стойки. А через пару минут с удивлением заметила, что стебли распрямились, к листьям вернулась упругость. Девушка покачала головой, снова реальность играет с ней злые шутки. В последнее время она всё время торопилась и ничего не успевала. Дома и на улице приходилось прикладывать усилия, чтобы ничего не сломать и не испортить. Но здесь, в кофейне «Со вкусом счастья», всё было легко и понятно. Здесь она — лучший бариста в квартале, чей кофе с мятой, приготовленный на рассвете, давно стал местной легендой. Говорили, он мог поднять настроение и дать сил на целый день. Эрика сама не понимала, в чём секрет, просто делала всё с душой.

Ровно в 7:00 дверь открылась с лёгким перезвоном «музыки ветра». Мода на эти фэншуйные талисманы несколько лет как прошла, но Эрика так привыкла к мелодичному оповещению о новом посетителе, что не согласилась бы ни на что его променять. Девушка не обернулась, но на губах заиграла ироничная улыбка. Прибыл её личный хронометр в твидовом пиджаке и с идеальной причёской, распространяя вокруг тонкие древесные нотки дорогого парфюма. Что удивительно, этот аромат не диссонировал с кофейным, а сливаясь с ним, становился более глубоким и элегантным.

Через мгновение посетитель стоял перед стойкой, безупречный и невозмутимый. Тёмный пиджак, идеально отглаженная белоснежная рубашка, строгий галстук. Иссиня-чёрные волосы уложены с безупречным пробором, а взгляд из-под очков в тонкой металлической оправе направлен вверх её головы, будто он мысленно проверял расписание своих лекций.

— Доброе утро, профессор, — бросила она через плечо, занявшись помолом его порции кофейных зёрен. — Как всегда, точнее швейцарских часов.

Максим Ратман, не меняя выражения лица, поправил очки.

— Я не профессор, Эрика. Вы снова напутали. Я кандидат исторических наук, доцент кафедры античности. Профессор — это учёное звание, которое присваивается после ряда формальных процедур, которые я ещё не прошёл.

— Ой, да какая разница? — махнула рукой Эрика. — Для меня все умники, преподающие в университете, — профессора.

— Разница принципиальна. — Его голос оставался ровным, но в нём появилась сталь. — Одно обозначает конкретную квалификацию, другое — размытый бытовой штамп. Это как называть любой чёрный кофе из турки турецким. Неточность порождает непонимание.

— Хорошо-хорошо, господин кандидат наук, — с преувеличенной почтительностью поклонилась она. — Как погода в мире абсолютно точных формулировок?

— Атмосферное давление сегодня составляет 748 миллиметров ртутного столба, что на две единицы ниже вчерашнего показателя, — отчеканил он, а взгляд скользнул по турке: — И вы сменили сорт. Не «Иргачеффе», а «Сидамо».

Эрика замерла с туркой в руках.

— Ох, поставщик напутал! Но оба эфиопские, чем плох «Сидамо»? — В её голосе звучало искреннее любопытство.

— Разница в территории произрастания. — Макс взял турку и поднёс к лицу, медленно вдыхая аромат. — «Иргачеффе» — один из наиболее высокогорных сортов. А следовательно, кислинка в нём выражена ярче. К тому же у кофе, приготовленного из зёрен сорта «Иргачеффе», богаче послевкусие. Неужели вам это неизвестно?

— Мне известно, что у моего кофе божественный вкус и аромат, — рассмеялась Эрика, принимаясь вытирать стойку. — По-моему, этого достаточно.

— «Божественный» — это не параметр, — мягко, но непреклонно парировал кандидат исторических наук. — Это субъективная оценка. Объективный факт в том, что для утра «Иргачеффе» предпочтительнее из-за более высокого содержания кофеина. Это задаёт корректный тонус на весь день.

Он сделал глоток из маленькой чашки, которую она успела налить. Лицо оставалось невозмутимым, но брови сдвинулись, образовав вертикальную складку на переносице.

— Время варки превышено на десять секунд. Появилась излишняя, нефункциональная горечь. Наилучший результат требует соблюдения всех переменных, Эрика.

Девушка перестала улыбаться. Казалось бы, мелочь, десять секунд. Но эта его манера разлагать её работу, её маленькое утреннее искусство на бездушные «переменные» каждый раз заставляла Эрику чувствовать себя не талантливым бариста, а неумелым практикантом в солидной лаборатории.

— Может, мир не обязан быть идеальным? — выдохнула она, отворачиваясь к кофемолке. — Может, в этих десяти секундах и есть вся прелесть? Случайность. Непредсказуемость.

— Хаос — это не прелесть, а признак дисбаланса. И его можно и нужно минимизировать, — ответил он с таким безграничным терпением, как если бы объяснял ребёнку, почему дважды два не равно пяти. — Я не критикую вас лично. Я указываю на неточность в процессе, которую можно исправить.

Эрика сжала пальцы. Этот человек был воплощением всего, что её раздражало. Его вечная уверенность в своей правоте, маниакальная любовь к порядку и полное отсутствие жизни в глазах. Он был ходячим университетским учебником в переплёте из твида и высокомерия.

Максим Ратман допил кофе и отставил чашку с лёгким, едва слышным стуком, не забыв развернуть ручкой параллельно краю стола. Тут же взмахнул рукой над салфетницей, и та вмиг встала по стойке смирно. Эрика смотрела на его отражение в полированной поверхности — строгое, отстранённое, живое воплощение порядка. И почему-то в этот миг обида испарилась, девушке стало почти жаль его. Жаль человека, запертого в идеальной, но такой безвоздушной клетке из собственных правил.

— Хорошо, профессор, то есть господин доцент, — тихо сказала она, наливая новую порцию, сваренную в точном следовании показаниям секундомера. — Исправлюсь.

— Доцент — это должность, а не учёная степень, — автоматически поправил он, поглядывая на часы. — Но в данном контексте упрощение допустимо. И вы должны постараться не «исправиться», а оптимизировать процесс.

— Может, вам стоит иногда пробовать что-то новое? — не удержалась она. — Капучино с сиропом, например. Жизнь слишком коротка, чтобы пить только чёрный кофе.

Он остановил на ней взгляд. Его серые глаза напоминали два бездонных озера в пасмурный день.

— Жизнь, Эрика, — это не хаотичный карнавал, где нужно пробовать всё подряд. Это строгая последовательность причин и следствий. Как работа часового механизма. А сироп в кофе — это ненужная помеха, сбивающая истинный вкус. Как и эта музыка. — Он указал в сторону колонок. — Она отвлекает.

В этот момент в кофейню ввалилась ватага сонных студентов. Шум, смех, грохот стульев. Максим Ратман вздрогнул, как от физической боли, и его лицо исказилось гримасой раздражения. Хаос всегда действовал на него, как красная тряпка на быка. Он допил кофе, кивнул с безмолвным одобрением и, приложив карту к терминалу оплаты, развернулся к выходу. Твидовый пиджак скрылся за дверью, а в кофейне снова воцарились тепло и уют.

Эрика вздохнула и продолжила протирать стойку. Каждый их диалог был как маленькая битва, после которой она чувствовала себя опустошённой и непонятой. Но сегодня что-то пошло иначе. Сегодня его слова ранили сильнее, чем обычно.

Её мысли прервала Василиса, влетевшая в кофейню с размазанной тушью и сумкой через плечо.

— Эр, привет! Прости-прости-прости! — зачастила она, скидывая сумку, облачаясь в униформу и намазывая руки. — Там такое!

Рыжие волосы напарницы были собраны в пучок, который больше походил на гнездо птицы с запутавшимися в нём веточками, а из сумки торчали спицы, край чего-то крупной вязки и цилиндрический свёрток в потёртой бумаге.

Студенты за дальним столиком, завсегдатаи кофейни, заинтересованно подняли головы, отвлекаясь от разговоров и предвкушая очередную историю из жизни Василисы.

— Вась, спокойно, — улыбнулась Эрика, наливая подруге стакан воды. — Глубоко вдохни. И расскажи по порядку. Откуда у тебя это?

Она указала на сумку.

— А, это? — Василиса сделала глоток и начала с торжествующим видом распаковывать свой клад. — Вчера был мастер-класс по вязанию. Я теперь знаю всё про лицевые и изнаночные. Смотри, я за вечер половину шарфа связала! — Она продемонстрировала незаконченное полотно, где попадались пропущенные петли, а о равномерности вязания и речи не шло. — Но это не главное. Главное — как я сюда добиралась!

Эрика привычно кивала, расставляя чашки. Как и всегда, рассказ обещал быть эпичным.

— Иду я, значит, через парк, думаю о судьбе Византии. — Василиса сделала театральную паузу, держа в напряжении всех слушателей. — И вижу — старушка. А у неё кот. Такой пушистый, важный, а на голове круглый прозрачный шлем. Как у космонавта! Я ещё спрашиваю, чего это. А оказывается, намордник, чтоб гадость всякую в пасть не тащил.

Студенты за столиком перестали делать вид, что не слушают, и открыто устали на рассказчицу.

— И этот кот, — Василиса понизила голос до трагического шёпота, отдававшегося по всей кофейне, — сидит на дереве. На самой макушке! А старушка в слезах. Говорит: «Мурзик мой, аристократ, спуститься не может, высоты боится». Ну а я что? Я в прошлом месяце курс альпинистской подготовки прошла. Целых пять занятий посетила.

Эрика прикрыла глаза, предчувствуя продолжение.

— Короче, я ей говорю: «Не волнуйтесь». И как птица взлетаю на дерево. Там прямо под деревом памятник писателю на скамеечке. Чехов вроде. Чехов же?

Эрика и студенты кивнули, загипнотизированные.

— Так вот, я использовала голову Антона Павловича как точку опоры. Взобралась по плечу и достала Мурзика. Правда, он мне рукав порвал. — Василиса с сожалением показала расплывшийся шов куртки. — Но зато старушка была так счастлива, что подарила мне это!

Она с триумфом достала из свёртка небольшой, надорванный на концах свиток.

— Говорит, это карта сокровищ её прадеда-мореплавателя. Я пока не разворачивала, вечером буду изучать с лупой. После лекции про астролябию, конечно.

В кофейне на секунду воцарилась тишина, нарушаемая шипением кофемашины. Затем один из студентов не выдержал и рассмеялся.

— Васька, ты гениальна! По твоим приключениям нужно сериал снимать.

— Ну не могу же я жить скучно! — разулыбалась она в ответ. — В мире столько интересного. Приходится успевать. Вот, например, астробабия. Всего один вечер на её изучение, но какой простор для воображения! Представляешь, кто её держал? Куда смотрел? О чём думал?

Эрика смотрела на подругу с нежностью и лёгкой завистью. Василиса проживала десять жизней за один год, впитывая мир с ненасытной жадностью.

— Да что за астробабия, Вась?

— О! — снова оживилась подруга. — Ты не представляешь, что сегодня вечером в университете будет.

— Лекция, как правильно заваривать чай? — мрачно пошутила Эрика, глядя на порхающую вокруг кофемашины Василису.

— Лучше! Ты же знаешь, у них в разгаре научный фестиваль «Диалоги о прошлом»? Так вот, этим вечером — звёздный час. Они привезли ту самую сенсационную находку. Ту, о которой трубят все археологические журналы.

Эрика перестала вытирать стол.

— Какую находку?

— Астробабии! Но не простую. Её нашли в Крыму, она не металлическая, а вырезанная из неизвестного науке минерала. И невероятно сложная. Ей больше трёх тысяч лет, а она в идеальном состоянии. Её возят по всем университетам с лекцией, и этим вечером она будет здесь. — Василиса схватила Эрику за рукав. — Ты должна пойти со мной! Это же история.

Эрика почувствовала странный трепет. Слово «астробабия» отозвалось в ней смутным, глубинным эхом, как отзвук забытого сна. Ясно представился сияющий каменный диск с голубоватым отливом, и на мгновение показалось, что по испещрённой таинственными знаками поверхности пробежал лунный отсвет.

— Я не знаю, Вась, — неуверенно проговорила она. — У меня планы были.

— Какие ещё планы! — возмутилась подруга. — Это же не просто лекция, это уникальный шанс. Представляешь, прикоснуться к чему-то настолько древнему?

Прикоснуться. Эрика непроизвольно посмотрела на свои пальцы. Она вдруг с абсолютной уверенностью поняла, что должна это увидеть. Должна быть там.

— Ладно, — согласилась она. — Я пойду.

— Ура! — взвизгнула Василиса. — Обещаю, скучно не будет. Особенно если наш любимый профессор-сухарь начнёт там комментировать. Готовь попкорн.

Ах да, доцент Ратман. Эрика мысленно представила, как он будет язвительно разбирать эту «сомнительную находку», тыча пальцем в какие-нибудь несоответствия. Её настроение снова упало. Он точно будет там. И точно всё испортит.

Она подошла к окну. Утро окончательно вступило в свои права, заливая улицы мягким золотым светом. Где-то там, в своём идеально упорядоченном мире, не спеша, но и не опаздывая, шёл на лекции Максим Ратман. А здесь, среди ароматов кофе, мяты и неясных ожиданий, стояла она — Эрика Селина, бариста, чей кофе всё ещё неидеален. И вечером их миры столкнутся вокруг древнего каменного диска. Она была в этом уверена на все сто.

Василиса приходила в кофейню обычно не больше, чем на пару часов — в самое горячее утреннее время. У неё вообще не было необходимости работать: любящий отец, он же хозяин местечка «Со вкусом счастья», полностью обеспечивал дочурку, так что и на увлечения хватало с излишком. Но работа в кофейне придавала ей солидности в собственных глазах, превращая из бесполезной прожигательницы жизни в ответственную и взрослую особу. Да и колдовать над молочной пенкой для капучино она любила до умопомрачения. У неё вообще с кофемашиной отношения складывались куда как душевнее, чем у Эрики. Эрика недолюбливала гудящий, фырчащий и клопочущий аппарат и даже спустя почти год относилась к нему с лёгким недоверием. Зато кофе на песке лучше неё никто не варит. Это быстро стало общеизвестным

среди всех окрестных кофеманов, и посетители чётко знали, когда стоит приходить за своим любимым напитком.

Разумеется, Эрика могла и эспresso сварить не хуже, чем в соседней кофейне. И варила — куда деваться. Выходил кофе как кофе, не придерёшься, но божественным его никто не называл. А кофе по-турецки, по-бедуински, по-арабски — называли.

После утренней суеты и бурного ухода Василисы, обещавшей заскочить вечером, кофейня опустела. Наступил тот редкий час затишья между утренним наплывом и обеденным бумом, когда Эрика оставалась одна. Она медленно протирала сияющую стойку, привычные движения были медитативными. Тишина, нарушаемая равномерным тиканьем часов, всегда навевала на неё поток воспоминаний. Сегодня — особенно.

Мысль о древнем артефакте, что пережил тысячелетия, невольно заставила её думать о собственном прошлом. Вернее, о его отсутствии. Она росла в детском доме. Хорошем, даже образцовом. «Оазис», как его называли в городе. Чистые постели, горячие обеды, добрые, хоть и вечно уставшие воспитатели, новые игрушки. У неё даже была своя полка в шкафу и коробка с личными вещами: несколько фотографий бывших товарищей по дому, для которых нашлась семья, зачитанная до дыр книга сказок, плюшевая обезьянка с одним ухом. Никаких жутких историй, тихая, упорядоченная жизнь в режиме общежития.

Но именно эта упорядоченность и была самым тяжёлым. Никто не ждал её по вечерам с особым, любимым ею пирогом. Никто не шептал на ухо перед сном семейные истории, которые не найдёшь ни в одной книге. Её история начиналась с даты поступления в «Оазис» в возрасте четырёх лет. Всё, что было до — сплошная белая мгла. Ни лиц, ни голосов или имён. Иногда ей снился смутный образ: высокая женщина, от которой пахло мятой и ночным ветром, и ощущение невероятной, абсолютной безопасности. Но был ли это сон или обрывок воспоминаний — она не знала. Просыпалась всегда с щемящей пустотой под рёбрами.

Именно поэтому она так цеплялась за эту кофейню. Уголок «Со вкусом счастья» стал её первым по-настоящему родным местом. Здесь пахло так, как она хотела. Здесь у неё были свои чашки, свои привычки и кофейные секреты. Здесь она была не безликой девчонкой из «Оазиса», а Эрикой, которая варит лучший кофе в округе.

Она закончила филфак, как и советовали в детдоме, — «надёжная профессия, без работы не останешься, да и в тепле всегда будешь». Но мысль о том, чтобы провести всю жизнь в четырёх стенах школы, проверяя тонны одинаковых сочинений, вызывала у неё приступ клаустрофобии. Ей нужно было движение, запахи, жизнь, пусть и в формате небольшой кофейни. Здесь, за стойкой, она чувствовала пульс города. Студенты спорили о философии, влюблённые назначали свидания, уставшие люди приходили за глотком утешения. Она была словно бы соучастницей этой жизни. И её кофе, это маленькое волшебство, делал чей-то день чуть лучше. Это давало ощущение собственной нужности, которого долгие годы так не хватало.

Её ладонь невольно скользнула по сочным листьям папоротника, приютившегося на подоконнике. Растение тут же встрепенулось, и потянулось к её пальцам. Эрика не смогла сдержать нежной улыбки. В мире растений и безмолвной, загадочной энергии, что струилась через её пальцы, всё обретало смысл. В этом мире не существовало барьеров из слов и бумаг, не имело значения, что осталось за спиной. Здесь и сейчас — вот что становилось по-настоящему важным.

Она отложила губку. До вечера ещё несколько часов. До встречи с древностью — и, как она с содроганием предчувствовала, с невыносимым, педантичным, вечно всё знающим кандидатом наук Максимом Ратманом, который наверняка будет там и станет разбирать бедную астролябию на составные части, не оставив от её тайны и следа.

Вечер опускался на город густыми сиреневыми теньями, когда в кофейню ворвался знакомый вихрь в лице Василисы. На сей раз она была облачена в стиле «Расхитительница гроб-

ниц» — камуфляжная жилетка с кучей карманов, только что купленная, даже бирку отрезать руки не дошли, удачно дополняла высокие берцы, а в руках красовался огромный фонарь.

— Эрь, я готова к приключениям! Представляешь, вдруг там, в аудитории, потайной ход в древнюю усыпальницу? Надо быть во всеоружии.

Эрика, уже снявшая фартук и сдавшая смену, с улыбкой наблюдала за подругой.

— Вась, это лекция в университете, а не экспедиция в Долину Царей.

— Вся жизнь — экспедиция! — воскликнула неугомонная Василиса, щёлкая выключателем фонаря. — Ой, смотри, кафешка «У Птолемея» продлила рабочие часы. Надо будет как-нибудь зайти, сравнить кофе с твоим. Говорят, им песок привозят из самого Египта.

По пути в университет Василиса без умолку комментировала всё вокруг, перескакивая с темы на тему. Заметила афишу мастер-класса по каллиграфии и тут же решила, что это её следующее увлечение. Указала на пару, ссорящуюся у фонтана, и мгновенно придумала им целую романтическую биографию. Эрика слушала её с теплотой, но мыслями погружалась в свои ощущения. Чем ближе они подходили к монументальному зданию университета, тем сильнее становилось странное, тянущее чувство в груди.

— И поэтому астролябия — это такой предок нашего смартфона, только круче! — заключила Василиса свои пятиминутные «исторические изыскания», почерпнутые из пары прочитанных статей.

— Знаешь, — задумчиво сказала Эрика, глядя на освещённые окна корпуса исторического факультета, — я, наверное, могла бы часами смотреть на древние вещи. Не читать, кто и когда их нашёл, а просто смотреть. На трещинки, сколы — все эти следы времени.

Василиса взглянула на неё с одобрением.

— Ну да, в них вся энергетика. Может, ты в прошлой жизни была египетской царицей? Или... ой, я знаю! Ты — дочь археологов. Твои родители были знаменитыми исследователями, пропали в песках времени, а тебя оставили на попечение государства. Как в кино!

Эрика горько усмехнулась про себя. Но шутка подруги попала в цель.

— Может, и так, — пожала плечами она. — Может, во мне говорит кровь предков-археологов. Но тянет к старым камням и глине, сама не знаю почему. Как будто в них спрятана какая-то правда, более важная, чем история.

Василиса не успела ответить, потому что они вошли в здание. Коридоры были полны народа. Студенты, преподаватели, просто любопытствующие — все направлялись в сторону главной аудитории. Повсюду висели плакаты с загадочными символами и надписью «Загадка из прошлого: уникальная находка века!»

Василиса моментально погрузилась в атмосферу праздника, жадно ловя обрывки разговоров и разглядывая наряды присутствующих. Эрика же двигалась как во сне, не интересуясь ни сплетнями, ни речами солидных учёных мужей. Её вело вперёд знание, что где-то в этой бетонной коробке лежит кусок древнего камня. И он ждёт её.

Аудитория была полна. С кафедры под вспышки фотокамер седовласый археолог с горящими глазами рассказывал о сенсационной находке в Северном Причерноморье. Эрика слушала, затаив дыхание. Учёный говорил о сложности прибора, о загадочных символах, напоминающих лунные фазы, о том, что эта астролябия могла принадлежать древнегреческому астроному, попавшему в те края.

Василиса, сидевшая рядом, первое время восторженно шептала: «Слышала? Это переворачивает все представления», но к середине лекции её внимание начало блуждать, выхватывая из толпы интересные лица и модные аксессуары.

Эрику слова лектора словно гипнотизировали. Она не столько понимала научные термины, сколько чувствовала их, смотрела на слайды с изображением артефакта — невзрачного грязно-голубоватого камня, испещрённого непонятными знаками, — и не могла оторваться.

Когда лекция закончилась и толпа хлынула в зал со стеклянной витриной, где покоилась находка, Эрика и Василиса остались в стороне, предпочитая дожидаться, когда ажиотаж утихнет. Именно в этот момент Эрика услышала знакомый ровный и безжалостно-чёткий голос. Максим Ратман стоял неподалёку, беседа с коллегой.

— Это не просто ошибка, это бездарная фальсификация, — говорил он с холодным разочарованием в голосе. — Все известные астробии античности изготовлены из меди или латуни. В редчайших случаях из дерева. Минерал с металлическими вставками — технологический нонсенс для той эпохи. А эти так называемые «лунные узоры» — не более чем плод фантазии реставратора.

Собеседник Ратмана, не вступая в пререкания, откланялся и отошёл, а взгляд Макса скользнул по залу и остановился на Эрике. Уловив внимание девушки, он приблизился.

— Эрика. — Историк вежливо игнорировал восторженно улыбающуюся ему Василису. — Я вижу, вас привлекла эта мистификация. Прискорбно. Этот случай — наглядный пример того, как романтические представления затмевают строгий научный метод.

— Мне кажется, она прекрасна, — возразила Эрика, не сводя глаз с витрины.

— «Прекрасно» — эстетическая категория, не имеющая отношения к исторической достоверности, — сообщил он. — Подлинность артефакта определяется не его внешним видом, а соответствием известным фактам.

В этот момент Василису отвлекла знакомая аспирантка, шепнувшая ей о каком-то невероятно харизматичном столичном госте на фуршете. Бросив на Эрику взгляд «ты же справишься?», подруга не мешкая умчалась в поисках новых впечатлений.

Эрика и Ратман остались вдвоём у витрины с астробией. Основная часть присутствующих успела переместиться в соседний зал, где начинался банкет. Макс воспользовался своим статусом члена оргкомитета, достал из кармана ключ, открыл застеклённый ящик и безо всякого пиетета извлёк каменный диск.

— Вот. — Он протянул его Эрике. Длинные ухоженные пальцы держали артефакт с профессиональной аккуратностью. — Убедитесь сами. Всего лишь неудачная стилизация.

Он с лёгкой усмешкой наблюдал, как Эрика, затаив дыхание, рассматривает астробию.

— Вы видите? — Его голос обдавал холодом. — Обычный адуляр. Никакой «энергетики», а эти царапины рядом с насечками — явная попытка придать вид древности.

Эрика не отвечала. Она водила пальцами над потемневшей от времени поверхностью минерала, на которой угадывались те самые «лунные узоры». Ей казалось, она чувствует исходящее от диска едва уловимое тепло, слышит далёкий, как эхо, звон.

— Иногда нужно смотреть не глазами, а сердцем! — вырвалось у неё, и она сама удивилась своей горячности. — Может, учёные ещё не открыли технологий, которые были у древних? Может, не всё можно объяснить вашими учебниками?

Максим вздохнул, как усталый учитель, объясняющий азы нерадивому ученику.

— Эрика, чувства — ненадёжный проводник. Они ведут к заблуждениям, вроде веры в плоскую Землю или магические артефакты. Только факты, логика и проверенные данные...

— Да ваша логика высушила всё дотла! — не выдержала Эрика. Глаза её заблестели от нахлынувших эмоций. — Вы всё раскладываете по полочкам, препарируете, но не видите главного. Вы просто сухарь, профессор! Бесчувственный, чёрствый сухарь, для вас весь мир — это пыльный музейный экспонат, а не живая тайна.

Она осторожно провела кончиками пальцев по шершавой поверхности. Но в тот же миг Ратман, вероятно, желая переубедить её окончательно, резко протянул руку, чтобы взять артефакт и продемонстрировать очередную «очевидную» деталь подделки.

Их пальцы одновременно коснулись каменного диска.

И мир схлопнулся. Свет аудитории померк, будто втянувшись в одну точку — в астролябию. Звуки фуршета, смех, голоса, звон бокалов — всё смешалось в оглушительный гул, который в миг оборвался, сменившись абсолютной, давящей тишиной.

Эрика почувствовала, как пол уходит из-под ног. Её стремительно тянуло в водоворот из спутанных лучей света и густых теней. Она успела увидеть лицо Макса — на нём впервые не было уверенности, лишь недоумение и шок.

Пространство и время сплелись в невыносимый узел. И их, как соринку, затянуло в образовавшуюся дыру. Последнее, что почувствовала Эрика, — ледящий холод от прикосновения Макса.

А потом наступила тьма.

Аллеманда

Такт первый

Сознание возвращалось урывками. Русоволосый мужчина в смешных допотопных тряпках смахнул украдкой слезу, бледная рыдающая женщина причитала про счастье. Темнота. И когда я по новой открыла глаза, меня уже тормозили и тащили примерять обновки. А потом я оказалась перед мутноватым зеркалом и с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться и не попросить кого-нибудь меня ущипнуть, настолько происходящее казалось сном. Из тёмной глубины на меня смотрела девчонка — и это определённо была не я. Отдалённое сходство угадывалось, но из зеркала выглядывал совершенно другой человек: тянулся потрогать курносый нос, пригладить копну рыжевато-песочных волос, ощупать измождённое лицо с ввалившимися глазами.

Из коротких реплик, которыми обменивались окружающие, стало понятно, что девчонка, чей взгляд я ловила в зеркале, шестнадцать лет прожила растение-растением: ела, спала, смотрела на мир пустыми глазами. И всё ближе подходила к Грани, где её готовилась встречать Пагуба. Целитель давно махнул рукой, и местный стихийник родителей не обнадеживал: до Квинты Мечты дочка точно не дотянет. И никакая магия не спасёт.

Я рассудила, если это сон, то, прежде чем проснуться, неплохо бы пожить в своё удовольствие, поэтому уверять всех вокруг, что происходит ужасное недоразумение, не торопилась. А если всё по-настоящему и меня действительно забросило в другую реальность, тем более стоит побольше узнать об этом мире, изнутри, так сказать. Зачем пугать бедных родителей девочки-цветка рассказами о том, что им дочку подменили.

Мне было даже на руку, что девочка, в чьё тело я попала, оказалась не слишком... ммм... развитой. Никто не удивлялся, что я заново для себя открываю мир — от календаря до наличия магии.

Время шло, сон не заканчивался, и постепенно я привыкла осознавать себя частью этого мира до такой степени, что уверовала: мысль о другой жизни, внешности, занятиях как раз и приходила в сновидениях.

Разумеется, поначалу новые родители тряслись надо мной, как наседка над выводком, но измождённый вид быстро сменился здоровым румянцем, статью боги этого мира девочку не обидели, и через полгода на мои плечи легла часть хозяйственных забот. Шить-стирать-прибраться я умела, руки быстро освоили всё, что помнил разум. Но с готовкой возникли проблемы. Прежде я питалась в основном, перехватывая на ходу, поэтому чашка кофе и хлеб с сыром были моим коронным блюдом. Но что-то посерьёзнее — это, извините, мимо. А так как никаким кофе здесь и не пахло, не выходило блеснуть даже этим немудрёным навыком. Да никто особо и не настаивал: мать была неплохой кухаркой, и от меня требовалось разве что почистить овощи.

Кофе... Это одно из немногих воспоминаний полузабытого сна, которое так и не развеялось. Его вкус, аромат стали навязчивой идеей.

Глава семейства оказался крепким хозяином, лишнего слова не вытянешь, но порядок во всех делах такой, что и управляющий большим имением позавидовал бы. Жена его тихая, незаметная, порой по несколько дней не видно, не слышно, а я о ней и не вспомню. Довольно скоро стала привычной мысль, что теперь это мои родители, и точка. Иных вариантов всё равно не было. А бабушек-дедушек у Роски, то есть у меня, не водилось. Отец в селении пришлый, лет двадцать, как забрёл с дальних краёв в сопровождении Крохи да тут и осел. Сельчане к чужакам испокон веков относились настороженно, но мой будущий отец умаслил старейшин,

а внушительный вид его приятеля, гролля-великана, даже у самых задиристых мужиков отбил охоту затевать ссоры. Так и прижился в селении Драгош Издальних. А матушкины родители зачали вскорости после Роскиного рождения один за другим. Что ж, случается.

Тем временем созданный совет из старейшины, мага-стихийника и целителя постановил, что на меня снизошла милость богов и мой дух, прежде блуждавший во тьме, вернулся на подобающее место.

Кроме помощи по хозяйству, на мне лежала ещё одна важная обязанность, исполнение которой отец проверял неукоснительно, — я должна была освоить книжную премудрость. Сам он грамоте выучился уже взрослым, а для меня науку почитал важнее шитья и прочего рукоделия. Пришлось измусолить немало свитков в обучении у старейшины. Там я и обзавелась подружкой. Мне наука давалась попроще, и местная грамота поддалась в два счёта. Так что свою ровесницу, грызущую этот гранит третий год, быстро догнала. А после только давай новые свитки-рукописи, всё было интересно. Даже занудные лекции о мироустройстве шли на ура: что для местных скука зевотная, то для меня откровение.

Одних богов пока всех запомнишь по именам! Да ещё у каждого свой характер и промеж себя всякие дразги. Вообще, здешние боги не сидят безвылазно в заоблачных далях, а с охотой появляются среди людей — и в своём божественном обличье, и под видом простого смертного, по настроению. Повстречать богов человеку не то чтобы раз плюнуть, но вполне возможно. Как возможно и получить осязаемый ответ на свою просьбу. Такого ответа удостоивается не всякий человек, а наделённый способностью к магии, таким даром. Вот стихийники, которых каждое селение непременно нанимает, с богами порой встречаются. Во всяком случае, так говорят.

Я ко всему этому была настроена скептически, но помалкивала, не стоит своим уставом так сразу размахивать. Да и потом, если богов нет, а я им воздам почести, с меня не убудет. А ну как наоборот?

Ещё пришлось помучиться с календарём. Мне помнилось, что год делится на месяцы, а те — на недели. Но здесь всё не так. Нет ни весны с летом, ни зимы с осенью, а есть два сезона: время цветения и время покоя. Сезоны делятся на двоны — половины. Двоны в свою очередь состоят из трёх двадцативосьмидневных третин каждая. Самый долгий день в году, два дня до и два дня после составляют Квинту Мечты. А самый короткий день называют Обычным, потому что он ничем не хуже и не лучше других. Но постепенно и с этим разобралась.

А ещё начали сниться сны. Да такие живые, что я их пересказывала матушке, как будто наяву виденное. То болтаю, что любимую козочку тётки Малуши волк задрал, надо мной смеются, а к вечеру тётка в крик, от любимицы рожки да ножки остались! То начинаю господарскую стражу описывать, будто отряд через селение проезжал. И снова: дня не пройдёт, а в точности такие гвардейцы тут как тут, спешат по казённой надобности.

Так постепенно ко мне начали присматриваться да прислушиваться. И ни разу не бывало, чтобы я приняла пустое за верное. Проснусь, перетряхну приснившееся — просто картинки. И бегу по своим делам. Или всем нутром почувствую, что увиденное сбудется, и ну во весь голос вещать о своих снах. Вещие сны снились мне нечасто, но сельчане приучились верить. Даже местный стихийник посматривал странно, вроде и с уважением, а будто ждал подвоха.

Стихийник у нас был не особо даровитый. Всего и умел, что дождя нагнать по необходимости или в жатву погоду установить, пожар там лесной или ураган унять. Ему даже лечить горячку было не по силам, куда уж до серьёзной помощи. Я слышала, бывают стихийники, что не только управляют с погодой, но ещё и исцелять могут, и отыскивать потерянное. Вот это мастера так мастера.

Так и жила. И не заметила, как год да другой пронеслись. А когда отец начал поговаривать о женихах, всё и приключилось.

Перво-наперво, мне всё чаще стали сниться кошмары. И не о том, что вокруг да рядом, а смутное что-то, неясное. Но просыпалась я от таких снов с криками. Это всё списали на

весну да взросление. Отец похмыкал и заявил, как найдут мне мужа справно́го, так я обо всех видениях и позабуду: не до кошмаров мне ночами, дескать, будет.

Те разговоры о замужестве выстуживали душу пуще морозов дня Обычного: глаз положить в нашем селении было не на кого. Среди парней жениха мне искать никто и думал, зато сосед, лавочник Здирад, разменявший седьмой десяток, моим родителям очень нравился. И состоятельный, и хозяин справный, и на словах может любого улестить. А как прознал, что отец жениха мне приглядывает, так и зачастил с визитами.

— Что невесела, Росочка? Али прогневал кто? Али сарафан новый не купили? Глазом моргни, всё будет у твоих ног.

Что за мания у людей — счастье сарафанами мерить? Да от одной мысли, чтобы стать женой этого сморчка, жить не хотелось. Но ещё больше не хотелось жить с ним.

Как-то я не выдержала и в сердцах пожелала, чтоб... Много чего пожелала, а сбылось одно. Как я ляпнула: «И чтоб сарай твой рухнул!», так за соседской изгородью треск да грохот раздались. И главное, такие обломки мелкие, будто что большое и тяжёлое сверху свалилось. Я только пискнула, вихрем влетая в дом. А я чего? Меня с тем двором и рядом не было, а на расстоянии так качественно порушить крепкий сарай не каждый стихийник может.

Свидетелей, как сарай лавочника по моему слову рухнул, нашлось немало: я свою «приязнь» выражала очень громко, на всю улицу. И потянулись шепотки — на стихийницу я не тянула, у тех способности ещё в детстве проявляются, и учить их с малых лет отдают. Да и не призывала я в помощь словам ни землю, ни воздух. Значит, что? Значит, ведьма смутная! Еле отбился отец от желающих кинуть в меня камень. Ну, отбился или откупился.

А меня заперли. Пообещали, что свадьба через третину, и заперли. Нос со двора высывать строго-настро́го запретили, а мне так и не верилось, что отец это всерьёз затеял, со Здирадом. Хорошо, хоть подружке разрешил меня навещать. Вилима, она же Вил или Вилка, то ли хитрее, то ли мудрее меня, но своего недовольства никогда так бурно не высказывает, вроде и покивает, и согласится с тем, что её бесит, а всё равно по-своему сделает. Мне бы такую выдержку. Отец Вилку постоянно ставил мне в пример, не подозревая обо всех её проделках. А всё почему? Никто ведь и не подумает на эту скромницу, что она по деревьям не хуже меня лазает. А уж на язык остра! Но перед старшими его не распускает. Зато ровесникам от неё сколько раз доставалось.

И что интересно, в заварушки обе попадаем, а с синяками да ссадинами я одна домой возвращаюсь. Как она так умудряется, ума не приложу. Бывало, точно видела, как ей в кровь руку рассекло, а до разборов дело доходит — на ней ни ранки, ни царапинки. Да она и сама удивляется.

На третий день моего заточения Вил появилась на пороге. Крепкая дубовая дверь, которую я за эти дни глазами проела, тихо отворилась (у нас в хозяйстве ни одна дверь не скрипнет, ни половица, отец строг до этого, вмиг любой огрех поправляет) — и мою темницу, то есть светлицу, озарило солнышком. Правда-правда! В присутствии подруги всегда и на душе светлее, и глазу радостней. Она рыжая, но не как я, песочной рыжиной, а красной медью, играющей в толстой косе. Если и есть в нашем селенье красавица, так это Вил. И тонка, и стройна, и брови стрельчатые, и глаза с поволокой. Это я заезжего барда вспоминаю: уж он вокруг подружки моей увивался! Столько красивых слов наговорил, она, должно быть, и половины за свою жизнь не слышала. «Счастье его составить» уговаривал.

А Вил хихикала и интересовалась у песнопевца, велики ль у него хоромы, что к ней свататься вздумал. Бард как про «свататься» услышал, сразу приуныл: он себе счастье с Вил безо всяких обязательств представлял. Но не тут-то было.

— Рос, ну ты даёшь! — Вил затарахтела с порога, едва захлопнув дверь. — Что ты этому старому дурню умудрилась наговорить? Я дядьку Драгоша три дня уламывала, чтобы с

тобой повидаться. Сколько тебя учить, язык прикусила, ласково улыбнулась, в душе к упырям послала и все счастливы!

Во время этой речи Вилка успела цапнуть с подноса самый зажаристый кренделёк (морить меня голодом никто не собирался, к тому же, «невеста должна быть румяной»), забраться с ногами на топчан и завернуться в мой любимый плед.

— Ага-а-а, сча-а-астливы, — хлюпнула я. — Все счастливы, и меня благополучно тому самому дурню в жёны отдают. Все ликуют и веселятся, а я пуще всех! Не годится твой рецепт к моему случаю.

— Так что сказала-то? — Разве ж Вил собьёшь с мысли. — Тут про тебя чего только не услышишь: и смутная, и одним словом половину дома жениху снесла, и вообще, опасный ты человек, Роса, аж завидую.

— Да какая там половина дома! — Я так и задохнулась от возмущения. — Всего-то сарай в щепки разлетелся. А они крик подняли.

— Сара-а-ай? Всё-таки разлетелся? И как ты это сделала?

Нет, какова! У меня жизнь рушится, а ей объяснения подавай.

— Почём я знаю как? Пожелала, чтоб сарай рухнул, тот и рухнул.

— Хм, а чего ещё желала?

— Чего-чего! Желала, чтоб он лопнул, чтоб глаза его повылазили, чтоб его приподняло да шмякнуло, чтоб ему барышей не видать, чтоб хозяйство, которым так кичится, провалилось.

— А сбылось, значит, про сарай... — Вил задумалась. — Можешь ещё чего-нибудь пожелать?

Подруга моя из породы людей, которым до всего дело найдётся. И отчего солнце всегда с одного краю встаёт, и почему на время покоя вода делается твёрдой, и кто небо то синим, то серым раскрашивает. Мало им того объяснения, что всё творится по воле богов. Как я ни пыталась отпереться, что со злости наговорила глупостей, Вил не отступала. Пришлось наорать на вазу с цветами, чтобы она лопнула. А она и лопнула! В один миг разлетелась мелкими брызгами. Мы так и устали друг на друга.

— Ещё! — потребовала Вил.

— Чтоб ты сдохла! — заорала я на курицу, высунувшись в окно.

Несушка хлопнула крыльями, закудаhtала и продолжила искать вкуснящих червячков в навозной куче. Не сработало. Может, я недостаточно на неё разозлилась? Так я вроде и на вазу не особо... Чего ж ваза разлетелась, а курице хоть бы что?

— На живое твои проклятия не действуют, — глубокомысленно заявила Вил, обличающе ткнув в меня пальцем. — Поэтому и женишок не пострадал, сараем отделался. Но всё равно непонятно, как ты это делаешь. Я никогда не слыхала, чтобы стихийники подобное вытворяли. Им приходится составить целое заклинание, вплести туда потоки подходящих энергий. Наш Алвин, наверное, смог бы сарай порушить, но ему энергия воздуха была бы нужна, чтобы ударить как следует. Или он мог бы к земле-матушке обратиться, камнями завалить. Но чтобы так, просто по слову вышло, — это невиданное дело.

— Стой! — завопила я. — Я и раньше кому попало чего попало желала, сама знаешь. А никогда такого не было.

— Значит, что-то изменилось. Что не так? Думай.

— Ну-у-у... кошмаров я раньше во сне не видела, а за последнюю третину чуть не каждую ночь. Это считается?

— Всё считается, — кивнула рыжая. — Надо бы у знающих людей поспрашивать, но таких разве что в Городе искать.

— И зачем ты мне это говоришь? — огрызнулась я. — Всё равно меня отдадут, за кого решили. И не будет мне ни Города, ни людей знающих. Разве что из дома сбежать!

— Можно подумать, ты очень рвёшься здесь оставаться. — Вил только и ждала, пока я сама про побег обмолвлюсь. — Что тебя держит? За мамкой скучать, что ли, будешь? Так в замужестве не очень-то с ней повидаешься: ты двор Здирада видела? Пока по дому да хозяйству управисься, уже рассветёт, и принимайся заново хлопотать. Или женишок внезапно приглянулся?

Хорошо ей говорить, она у тётки выросла. А той чего? За своими бы двумя пострелятами углядеть. Родителей Вил знать не знала, помнить не помнила, но полагала, что те её бросили. Толком даже не ведала, родня ли ей по крови тётка Нарина, а если родня, то с чьей стороны, по отцу ли, по матери. Тётка на расспросы отмалчивалась, а повзрослев, Вил и спрашивать перестала, дескать, бросили и бросили, чего ворошить?

Тётка не обижала воспитанницу и воли давала больше, чем иные, но моя подруга всё одно разницу меж собой и родными тёткиными детьми чувствовала: тепла да ласки особых ей не доставалось. Нарина сироту взяла в свой двор по бездетности, а как той осьмой годок пошёл, обзавелась собственными мальчонками. И мало интересовалась, чем и как Вил живёт, — сыта, одета, а прочее неважно.

А мне о побеге рассуждать было весело, всерьёз я о том не задумывалась. Да и куда бежать? Так ничем тот разговор и закончился. А ночью мне приснился диковинный лес. Никогда такой красоты не видела: белоствольные деревья взмывали ввысь гигантскими башнями, мох ковром под ногами стелился, и светляков море по кустам да травинкам колыхалось такое яркое, что глазам больно. И вроде шла я по тому лесу, а на сердце тишь да спокойствие, словно никаких тревог-огорчений и в помине не существует. Так и проснулась, не понимая, с чего такие видения. К вещим не отнесёшь, но и ощущения, будто пустая картинка мелькнула, тоже нет.

Ну, коли с нашим селением сон не связан, то и говорить о нём нужды не было. Начался очередной день моего заточения, и кроме как смотреть в окно да считать кур, заняться было нечем. Это я так думала, но Сегодня рассудил иначе. Отец с работником Младом на дворе затеяли корчевать старую вишню, а там ствол и вдвоём не обхватишь, половину двора тенью укрывала. Но раз отец сказал: «Рубить!», никто и не спорит.

И пары минут не прошло, как топоры застучали, а на дворе крик да ругательства. Я бегом к окошку — надо быть в курсе, что за переполох. Оказалось, щепка угодила прямо в глаз отцовскому помощнику. Да так неудачно, что пока за целителем посылали, глаз и вытек. Как есть, вытек. Господину Горазду, толстому, страдающему одышкой человеку, которому и самому неплохо было бы здоровье поправить, оставалось промыть глазницу и обмотать голову бодолаги тряпицей. Ещё он чем-то напоил парня, чтобы унять боль, и убрался восвояси.

Меня выпускали из комнаты только до ветру, так я даже не могла осмотреть рану, хотя чего там теперь осматривать. Но глаза Млад уже лишился, ещё и воспаление допустить негоже. Я ведь немного в травах разбираюсь, рану обработать умею и сделаю это лучше, чем наш так называемый целитель. Сколько народу он отправил за Грань — и не сосчитать.

Я дождалась, чтобы мне позволили спуститься на двор, и сразу к Младу. Дай, говорю, гляну. Он меня оттолкнул грубо так — ясное дело, переживает, что кривым остался. Но я настырная. Уговорила. Тряпицу сняла, а сама вот-вот разревусь. Всё бы отдала, чтоб глаз его на месте был. Размотала повязку, пропитанную сукровицей, а там... Я же видела, как работник глаза лишился! И глазницу пустую из окна разглядела. А глаз-то целёхонек.

Млад проморгался и в ноги мне упал. За подол цеплялся, башмаки целовал и величал повсякому: избавительницей, богоизбранной и ещё всякие глупости нёс. Я так и шарахнулась от него, мало ли, может, человек умом тронулся от пережитого. А с заднего двора отец примчался, едва углядел, как Млад у меня в ногах валяется. Что он себе напридумывал, несложно отгадать, ему везде женихи мерещились. Прибежал и ну орать, что зять-оборванец ему не нужен. А Млад

кинулся и ему ноги целовать, за дочку благодарить. Долго бы эта потеха продолжалась, да я молча развернулась и в дом пошла.

За спиной слышались другие возгласы. Дошло до отца наконец-то. «Что это? Как это?» А Млад всё повторял, как я рукой коснулась и вмиг пришло исцеление. Я бегом припустила в свою комнату, ведь знать не знала, как всё вышло. Но шума избежать не удалось. Отец сам явился с расспросами — велика честь. Обычно он ко мне в светёлку ни ногой, а тут пожаловал.

— Что это было? — Мой родитель длинных предисловий никогда не любил. — Ты слова какие-то говорила или рукой раны коснулась? Что ты почувствовала?

Ничего не чувствовала, очень хотела, чтобы глаз на месте был. Нет, ни слабости, ни выплеска энергии, ни иных прочих ощущений я не испытала. Отец нахмурился. Головой покивал и вышел. А я осталась гадать, то ли он понял, в чём причина, то ли неясно ему ничего. Неужели так сложно прямо сказать? Сиди теперь, теряйся в догадках.

Так и просидела до ночи, размышляя о своих чудесных способностях. Да и ночью тоже глаз не сомкнула, даром, что на дворе темнота непроглядная. Луны не видно, новолуние завтра, а пока самое тёмное время, только и спать, пока ночное светило в окно не заглядывает. Но разве уснёшь, когда неизвестно, чего от самой себя ожидать. Третьего дня сарай, теперь это исцеление, а что завтра будет?

С самого утра потянулись просители. Первой нагрянула самая языкатая на всё Лесное оконечье тётка Бажена. Её сын с полтретины назад неудачно повстречался с кабаном и до сих пор метался в горячке. Тётка Бажена и решила, раз я одним движением руки глаз Младу вернула (а о том, почитай, всё селение уже знало), то и кровиночке её должна помочь. С отцом она успела договориться, поэтому «нечего на меня паяться, быстро собирайся, слышала ведь, как мой мальчик (под полтинник тому мальчику) мучается!»

Да мне-то что. Мне прогуляться нетрудно, но чуяло моё сердце, ничего из той затеи не выйдет. Разве ж я не хотела, чтоб её сын поправился? Ещё как хотела. А что вышло?

— Тварь безжалостная! Небось, хахаля своего в один миг исцелила, а нам не желаешь помочь. Чтоб тебя... — И тут я услышала самые цветистые и изобретательные проклятия, на какие способна человеческая фантазия. Хорошо хоть, тётка Бажена не принадлежала к тем избранным, чьи слова боги исполняют буквально, не то б я покрылась смердящими чиряками, окосела на оба глаза, охромела на обе ноги и валялась где-нибудь в помойной яме, выброшенная будущими детьми. В меня разве что тухлые яйца не летели, когда я, не оправдав надежд, рванула в сторону дома.

По пути на всякий случай решила ещё проверить свои способности к разрушению: рывкнула на парочку заборов, на будку собачью — никакого эффекта! Будто и не по моему слову ваза крошечном разлеталась и сарай в щепки превращался.

А у родных ворот творилось что-то невообразимое: кузнец, минувшей зимой лишившийся по неосторожности трёх пальцев, родной дядька Млада, хромым от рождения, горбатая старуха Ягода, ещё человек пять с разными увечьями и впридачу распутная деваха Розалька, чей увеличившийся живот не скрывала просторная рубаха, — все как один повалились мне в ноги, галдя, чтоб вернула пальцы, выпрямила горб или убрала «незнамо как принесённый плод».

— Люди добрые, господа хорошие! Да не знаю я, как с этим глазом получилось, ничего я не делала, только пожелала... — Ох, напрасно я про желание заикнулась! Как на меня ополчились все страждущие. И снова об одном: ему, значит, помочь пожелала, а нам нет!

Отец и на этот раз меня спас — распахнул калитку и вышел к разъярённым страдальцам с оскалившимся Крохой за спиной. Кроха он потому и Кроха, что среди прочих гроллей росточком не вышел. Братья его, должно быть, в три человеческих роста вымахали, а верный спутник отца раза в полтора плюгавее. Но в нашем краю он самое огромное существо, ещё и

почитающее своим долгом меня охранять пуще жизни. Одного взгляда на разъярённого гролля сельчанам хватило, чтобы понять намёк. Они в присутствии Крохи всегда такие понятливые!

Косматый гигант, чьего лица не разглядеть за густой смоляной шерстью, глухо ворча, подхватил меня на руки и потащил на верхний этаж, в светёлку, а отец, демонстративно хлопнув калиткой, с громким лязгом запирал засовы.

Внезапно я ощутила, что ставший таким привычным мир рухнул окончательно и бесповоротно. Это осознание пришло на узком лестничном пролёте по пути в комнату, где мне предстояло дожидаться ненавистной свадьбы. Когда люди, которые ещё вчера приветливо кивали, готовы прицельно швырнуть в тебя камень за то, что не оправдываешь их надежд, возникает желание оказаться как можно дальше. И как можно скорее.

Вил, заглянувшая ближе к вечеру, застала красочную картинку: я тщательно отбирала вещи, которые могли бы понадобиться «в странствиях». Какие такие странствия? Я ещё вчера никуда не собиралась. Эх, подруга, если бы я знала. Но оставаться мне было нельзя и всё тут.

— Скажи, эта юбка понадобится? Нет? Я так и думала. Правильно, лучше положу тёплый плащ. А туфельки? Да как нет-то? Один раз на танцы и обула, как их оставить? Думаешь, кусок вяленого мяса будет лучше в суме смотреться? Так за ним надо в погреб бежать, а отец обязательно спросит, чего я там забыла. Ещё и матушка начнёт причитать, э-эх! Вил, Вил! А рубях сколько брать? Полдюжины хватит?

Подруга моя хоть и младше на полгода, но определённо практичнее. Без неё я половину гардероба и весь запас безделушек в Дорожную суму затолкала бы. Смириться с понятием «необходимого и достаточного» никак не получалось, ведь в суму и два раза по столько поместилось бы.

Я ещё думала, зачем мне такая бесполезная вещь, как эта сума, ведь не то что путешествовать, в Город не выбиралась ни разу. А матушка мне к Первоцветью в этом году такой подарок сделала. Первоцветье на то и год да время цветения начинается, что от этого дня все ждут нового, волшебного. Вот и тратятся на подарки, наполненные магией. У торговцев зачарованным товаром это самая бойкая пора: люди по полгода копят, чтобы сделать близким сюрприз с частичкой волшебства. Считается, такие вещи приносят удачу, если получены в подарок, а самим для себя их покупать бесполезно. И передаривать смысла нет — вещь служит оберегом лишь первому хозяину.

Именно поэтому Дорожная сума мне так дорога. Кроме того, что она вмещает ровно столько, сколько я хочу запихнуть, плюс одна вещь, так ещё и вес сложенного груза уменьшается до посильного мне. Раз эту суму мне подарили, то и рассчитана она на то, чтобы я могла её поднять, сколько бы туда ни сложила. Кому другому и с места не сдвинуть, а я без усталости смогу нести ровно столько, сколько надо. И конечно, такая вещь в дороге отводит неприятности, это само собой. Сума-то дорожная, значит, служит оберегом в дороге.

Всем хороши зачарованные вещи, одно плохо — за всю жизнь у человека может быть всего три таких оберега. Четвёртый становится просто очень удобной, но ни от чего не защищающей хозяйственной принадлежностью. Потому их и выбирают с особым тщанием, потому и берегут, и ценят, ведь испортив такую вещь, не отменишь факта, что она была — одна из трёх возможных. И потому я так удивилась этой суме: на что мне в дороге защита, если никаких дорог в моей жизни сроду не было. Но матушка как в воду глядела.

— Роснуш, а ну-ка вытряхивай всё, что успела собрать. — Не прошёл фокус под шумок обойтись без Вилкиного контроля. — Быстро откладываешь в сторону подушку и тапочки. В лесу или по тракту в них ходить собралась? А без подушки спать привыкнешь! И ещё... — Вил решительно меня отодвинула и закопалась в так хорошо уложенные вещички.

— Да какая разница. — Я упёрлась, готовая стоять насмерть. — Я и в два раза больше в этой суме унесу.

— А теперь представь, что ты получила по голове и тащить тебя мне придётся. Как, потвоему, я ещё и твой узелочек махонький тянуть буду?

— Какой получила? По какой голове? — завелась я. — Это оберег дорожный, и с ним мне ничего не страшно.

— А кто сказал, что получить по пустой голове страшно? — не сдавалась рыжая. — Я же не защищена этим твоим оберегом, а в случае чего это будут не твои, это будут мои проблемы. При условии, что, получив по голове, ты останешься жива и в целом невредима.

Одним словом, любой мой аргумент разбивался о непреклонную скалу её уверенности. Мне даже не удалось прогнать её саму собираться. Оказывается, у Вил уже пару третин всё к дальней дороге готово, она только дожидалась, пока меня потянет на странствия. Поэтому подруга проверила каждую вещь, отправляемую в Дорожную суму, и лишь тогда успокоилась. Нам осталось условиться о встрече за полночь у околицы и как ни в чём не бывало распрощаться.

Наступления ночи я ждала как на иголках. Ужин? Какой ужин? Нет-нет. Большое спасибо, я не голодна. Но вот и тот самый, условленный час. Бросив прощальный взгляд на привычный мир и поблагодарив богов, надоумивших отца оставить дверь в светёлку незапертой (а то из окна думала выбираться), я решительно шагнула в неизвестность.

Дуэт над временем

— Вероятность проявления собственной воли Кругом равновесия равнялась статистической погрешности. Но изъятие наших сущностей в смертных оболочках из мира, не обладающего магическим потенциалом, логично.

— Полностью с тобой согласна. Но твоя статистическая погрешность перекинула нас не в пустые сосуды. И да, мне ещё повезло!

— Пустые сосуды были бы нерелевантны. Чистый лист ничего не доказывает. Истинная сила принципов проверяется в сопротивляющейся среде. Вместилище, уготованное мне, было переполнено хаосом задолго до своего появления. Твоё же предназначалось для упорядочивания этого хаоса. Однако речь идёт не о везении, а о степени соответствия представлений...

— Ой, не нуди.

Такт второй

— Ай! Постой... Уй.

Да-да, на молодой луне правильно затевать новые дела и в путь отправляться. Но лучше это делать при свете дня, а не той самой молодой луны. К сожалению, мы не обладаем зрением лесного народца, а ведь в байках про эти создания говорится, что они отлично видят даже в кромешной тьме. Увы, мы не они и спотыкались о каждый камень, цеплялись за всякий куст и не пропустили ни одного дерева, чтобы не удариться об него.

Неудивительно, что к утру мы покрылись синяками и ссадинами и были похожи на встрёпанные пугала. Ну, как «мы покрылись» — на Вилке, как обычно, синяки дольше пары минут не задерживались. Поэтому я была пугалом встрёпанным и исцарапанным, а она только встрёпанным.

Самое досадное, что мы не могли понять, нужно нам погони да розысков опасаться или нет. Вил открыто попрощалась с тёткой Нариной. А насчёт своего отца я была не уверена. На всякий случай решили первые пару дней держаться понезаметнее. То есть по возможности передвигаться лесными тропами.

Чем выше поднималось Расцветное солнце, тем яснее становилось, что пора бы и о привале подумать. Шли мы, всё время прислушиваясь к шуму ручья, и старались сильно от него не отдаляться. Бывалые люди сказывали, что ручей впадает в малую речушку, которая несёт свои воды к Срединной реке, разрезающей Мир надвое. А та неспешно и величественно огибает Город, устремляясь к Великой Воде. В Город-то нам и нужно было попасть. Там можно попытаться отыскать сильных стихийников, не чета нашему. Или разузнать, как добраться до магического поселения, и это было бы ещё веселее.

Мы с Вил сразу условились, что немножко посмотрим мир, а потом отправимся к стихийникам. Пусть то, что со мной произошло, едва ли связано с их магией, но они люди образованные, может, и знают, в чём тут дело.

Звонкий ручей, голос которого всю ночь не позволял нам сбиться с пути, бурным потоком нёсся по каменистому руслу, искрясь на солнце. И не хотелось думать о предстоящих долгих вёрстах тернистого пути. А хотелось умыться после бессонной ночи и растянуться на мшистых камнях. На тех самых камнях, где...

— Вил, ты видишь то же, что и я?

Завтрак откладывался на неопределённое время. Потому что на прибрежном камне — огромном валуне, укрытом мягким изумрудным покрывалом роскошного мха, — с самым независимым видом восседал оживший персонаж одной из «баушкиных баек». Именно такой, каким мы его и представляли, — худющий длинноносый карлик в просторном балахоне, сверкающий лысиной и щеголяющий смешной клочковатой бородкой. Да это лесной Тёмник. Он обожает темнить да тень на плетень наводить, морочить голову одиноким путникам. Может даже заманить в самую глушь и там дожидаться, пока бедняга не помрёт от страха, но с компанией даже из двух человек обычно не связывается. Во всяком случае, в байках говорится именно так.

А никого, кто бы и впрямь встречался с Тёмником, нам знать не доводилось. Наше селение хотя и стоит на краю леса, но лес и Лес — это места очень разные. Если идти в сторону Каменной гряды или навстречу восходящему солнцу, то попадёшь во владения лесного народца. Поэтому в тех направлениях сельчане и не путешествуют, опасаясь коварства тамошних обитателей. Зато дорога к Суетливой речке пролегает через спокойные и понятные дубравы, посвящённые богу справедливости Правдану, которого ещё Дубыней кличут. Там можно охотиться и собирать грибы и ягоды. Главное, брать от леса ровно столько, сколько нужно для

еды, а не для баловства. Но минувшей ночью нас занесло именно туда, где не стоило появляться.

Темник забавно покрутил головой и показал язык. Потом, как ни в чём не бывало, соорудил важную рожицу и заявил:

— Если вы ищете клады, то это не ко мне, а к сестрице Кружалке. Но она ещё спит, ближе к ночи приходите.

— Так ночь только закончилась — куда ещё ближе?

С лесным народцем главное за словом в карман не лезть, это я помнила накрепко. Хотя и не верилось никогда, что эти баечные герои на самом деле существуют, а как себя вести при встрече само собой запомнилось. Если такому станет с тобой скучно, или он почувствует твою растерянность, то из леса ты можешь очень нескоро выбраться. Зато у интересного собеседника есть шанс узнать какую-нибудь тайну. А разве не за тайнами мы пустились в путь?

— Чего чушь несёшь? — Темник не поддержал пустой болтовни. — Как можно придти куда-то прошедшей ночью? Ясно, что я о будущей говорю! И вообще, чем стоять, рты разинув, лучше бы угостили бедного голодного меня сухой корочкой.

Я бы, наверное, после его отповеди так и стояла столбом. Но тут очнулась Вил:

— Ой, прости, пожалуйста, а нам тебя нечем угостить!

От такой бессовестной лжи я аж задохнулась. И зачем врать, спрашивается? Убудет с нас что ли, если мы с голодным едой поделимся? Мой локоть ощутимо проехался по рёбрам подруги, возмущаться вслух я постеснялась. Но Вил и без слов все прекрасно поняла и зашипела мне на ухо:

— Чего ты пихаешься? Правда же, нет у нас для него угощения — ты разве брала сухие корки? У меня только пирог с ливером.

Темник всё прекрасно расслышал и недовольно заявил, что согласен и на пирог. Как оказалось, согласен он был и на сладкие пирожки, и на кусок копчёной утки, и ещё на уйму разной снеди, которая нашлась в недрах моей сумы и Вилкиного заплечного мешка. И чего мы стояли, умильно на него любуясь, не понимаю. Этот проглот в считанные минуты, довольно причмокивая, уничтожил все наши съестные запасы, рассчитанные не меньше, чем на треть третины, но при этом у него был такой счастливый вид, что нам и в голову не пришло возмутиться. Подумаешь! Пусть мы и не великие путешественники, но голодными в лесу не останемся, а через несколько дней всё равно выберемся на людный тракт, не вечно нам за деревьями прятаться. Там и разживёмся провизией: монетки у меня благодаря отцу всегда водились, а тратить их прежде было не на что, у заезжих купцов мне и так покупали, что душе пожелается.

Насытившись, а вернее, убедившись, что вся провизия уничтожена вчистую, Темник обратил на нас ословелый взор:

— Признавайтесь живо, почему позволили мне вас объесть. Ну!

— Э-э-э... — Не вышло из нас интересных собеседников. — Тебе нужнее было, вона как все стрескал.

— А вы теперь как?

Вот ведь привязался. Раньше думать надо было.

— А мы теперь птичьи яйца искать будем, рыбёшку из ручья таскать и корешками закусывать. Не пропадём.

Темник озадаченно покрутил головой и хихикнул:

— Не пропадут они. — И тут же совершенно другим тоном: — А ну-ка быстро дали страшную клятву, что в Лесу ни травинки не сорвёте, ни яйца не разобьёте, ни рыбки не поймаете, ни ветки не сломаете! И не станете причиной никакой, даже самой малой смерти.

Это прозвучало так забавно, что мы разулыбались и с готовностью закивали. Чего ж, мол, не пообещать. Но неожиданно серьёзный Темник протянул к нам тоненькие ручки с растопыренными пальцами, и с них сорвался вихрь дрожащих искорок.

— Повторяйте: «Я клянусь, что не стану по доброй воле причиной даже самой малой смерти в Лесу».

Значит, придётся выйти к людям значительно раньше, чем мы планировали, но спорить не получалось, и слова клятвы прозвучали сами собой. Дрожащие искорки, всё ещё видимые даже под солнечными лучами, разгорелись ярче, осыпали нас серебристыми бликами и бесследно истаяли. Это было посерьёзнее простого обещания. Похоже, нас забыли предупредить, что нарушь мы клятву и плохо наше дело. А Темник снова корчил рожицы и весело подмигивал.

Мы с Вил подхватили свои пожитки, рассиживаться резону не было, и помахали лесному жителю. Но вместо ответного прощания раздалось:

— Эй вы, бестолочи, куда собрались? А как же награда за доброту вашу?

Какую ещё доброту? Запасы свои мы ему скорее по глупости позволили уничтожить. Но ладно, не будем спорить, награда, так награда.

Темник крутанулся на одной ножке и возвестил:

— Отныне и покуда не нарушите клятву, куда бы вы ни шли и где бы ни находились, будет у вас столько еды и питья, сколько вам потребуется, чтоб насытиться, плюс одна лепёшка.

И исчез, как в воздухе растворился.

Однако. И мы, не сговариваясь, начали шарить в своих запасах. Из недр дорожных баулов появились хлеб, мясо, сыр, фрукты. Кажется, фраза «столько, сколько вам потребуется, чтоб насытиться, плюс одна лепёшка» была стандартной формулировкой, не более. Во всяком случае, обнаруженной едой можно было накормить большую семью, не то что нас двоих.

Вольготно расположившись на прибрежных камнях, мы неторопливо уминали вяленое мясо с ароматной ржаной краюшкой и болтали о том, что баушкины байки — это всё сплошные враки, и Темник оказался не вредным, а очень даже полезным. Но оставался вопрос насчёт сорванных в лесу травинок. Срывать мы ничего не будем, но ведь что-то и само под ноги попадётся? Сошлись на том, что клятва подразумевала добровольное причинение вреда, а не вынужденное, и с чистой совестью раскинули одеяло под огромным кустом черёмухи.

Как ни странно, мне ничего не приснилось. Странно потому, что последние пару лет я не спала без сновидений. Днём ли, ночью ли спать ложилась, обязательно видела сны. А уж оделяли меня боги вещими видениями, или просто цветными картинками, или мучали кошмарами, как в последнюю третину, — это по-разному выходило. Но чтоб совсем без снов, такого давно не было. Потому я и проснулась не в духе. Вилке мой вид сразу не понравился, и она без лишних вопросов сунула в руки котелок, чтобы я занялась делом. Негоже всухомятку питаться. Проснувшаяся раньше меня рыжая установила, что кроме хлеба, вяленого мяса и прочих готовых вкусностей, из мешка вполне можно достать крупу, поэтому суп или каша нам были обеспечены. И я могла даже не надеяться увильнуть от приготовления здоровой пищи. Хотя очень хотелось. Увильнуть, в смысле.

Но приступить к обязанностям дежурной кухарки мне было не суждено. Когда я склонилась над ручьём, чтобы зачерпнуть воды, кто-то крепко ухватил меня за руку и резко дёрнул на себя. Я с визгом полетела в воду. Мокро, холодно, а главное, обидно. И никто больше не держит, и не видать никого. Вил, обернувшись на шум, решила, что я по неосторожности загремела в ручей.

— Ро-о-ос! — Угу, сейчас начнётся. — Ты о чём замечталась? Костёр не скоро разгорится, стихийников поблизости не видно, а на дворе не Квинта Мечты — кто тебя лечить будет, когда в горячке свалишься?

Ну почему ей проще поверить, что я сама поскользнулась, чем предположить, что мне помог кто-то невидимый? Но сама в такой бред я тоже не поверила бы. Ладно, не буду дуться.

Я наскоро переделась во всё сухое и развесила на ветках черёмухи мокрые юбку и рубаху. Потом решительно подняла котелок, чудом не ускользнувший в ручей, и снова наклони-

лась к воде. На этот раз неизвестному шутнику не удалось застать меня врасплох, и — оп! Я успела перехватить вцепившуюся в меня руку и дёрнула на себя. Нога поехала на мокром камне, я не удержала равновесие и с размаху шлёпнулась мягким местом на жёсткий берег. Но добычу не выпустила. Оказалось, я обеими руками держусь за одну из восьми конечностей Ручейника. Прозрачное тело этого жителя лесных ручьёв стремительно наливалось лиловым. Точно-точно, и о Ручейнике я слышала байку.

В чистой воде эти многорукие существа прозрачны и невидимы человеческому глазу, но на суше мгновенно обретают цвет. Больше всего Ручейники похожи на толстый блин с восемью ручками и огромными глазами. Эти глаза-а-а... В то время, пока их обладатель неудержимо становился лиловым, они приобретали антрацитовую глубину. Сияющий чёрный, так о них можно сказать. Машинально стискивая пальцы вокруг тонкой, но очень крепкой руки, я тонула в этих глазах, не в силах отвести взгляд хоть на миг. В груди разливалось сладкое томление, такое, что трудно дышать.

— Ай!

— Рос, ты сдурела, что ли? Какого Ллафара ты в глаза Лесному смотришь?

Такая затрещина может и с того света вернуть, не то что привести в чувство. Вил брезгливо разглядывала мою добычу, разом лишившуюся своего магического очарования, стоило отвести взгляд.

Лиловый блин вытягивался, приобретал более угловатые формы, и вот перед нами крохотный, росточком мне по колено, человечек всё с теми же огромными глазищами, заглядывать в которые я больше не решилась, и одной парой рук.

— У, бесстыдник, срам-то прикрой!

Вил швырнула в преобразившегося Ручейника скомканным платком. Человечек дёрнулся было за брошенной ему вещью, но я всё ещё крепко сжимала его ручонку. Дотянуться до платка ему не удалось, и тот причудливой пёстрой птицей приземлился на камни.

— Да оставь ты его. Никуда он в таком обличье от нас не денется. Раз ты его поймала и смогла удержать во время превращения, то у тебя право на одно желание. Совсем ты, Роса, лесных правил не знаешь.

Ну и не знаю, подумаешь, велика печаль. Не все здесь от рождения в старых байках купанные, кое-кто всего года три как глазёнки под этим небом открыл.

Ручейник меж тем воспользовался долгожданной свободой, проворно вскарабкался на тот самый валун, где с утра восседал Темник, и мрачно на меня уставился.

— Говори, чего тебе от меня надоть. Тока учти, домов я строить не умею, золото в лесу не водится, а писаной красавицей тебя и богам сделать не под силу. Скромнее, скромнее в желаниях.

Вот торгаш. Я ещё приценяться не начала, а он уже ищет выгоду. Нет, так дело не пойдёт. Желание одно, надо его с умом использовать.

— А могу я позже насчёт желания обратиться? — Это не к пройдохе-Ручейнику, это к всезнающей Вилке.

— Отчего ж не можешь? — Подруга пожала плечами. — Как надумаешь, так и кликнешь должника. Главное, чтобы ты на берегу текущей воды при этом была, ручья там или реки какой. Скажем, в Пустыне он не откликнется. А так, хоть десять лет думай.

— У-у-у, какие все грамотные пошли. — Ручейник сердито сплюнул и рыбкой сиганул в воду.

— Ой! — Меня обдало леденючими брызгами. — А ты сказала, не сбежит.

— Да он и не сбежал, — успокоила Вил. — Я сказала «никуда не денется». Сейчас тебе ничего не надо, а как с желанием определишься, позовёшь, и он явится. Ты лучше не об этом проказнике переживай, а займись обедом.

Мне так понравилось знакомиться с лесными жителями, что, хлопоча возле костра, я то и дело посматривала в сторону густых зарослей, ожидая, что в любую минуту оттуда покажется кто-нибудь ещё более удивительный, чем наши давешние знакомцы. Но суп весело булькал в котелке, а нас так никто больше и не навестил.

Вил не слишком высоко оценила мои кулинарные таланты и грустно скривилась после первой же ложки. Оказывается, я так загляделась на деревья, что посолила обед два раза. Хотя рыжая утверждала, что все пять.

Но именно потому, что я не отрывала глаз от края леса, мне повезло первой обнаружить очень интересного персонажа, который пытался остаться незамеченным. Ха! Может, я и не великий кулинар, зато способна уловить даже легчайшее движение. Ветки качнулись, и за листвою стал различим силуэт, бесшумно скользящий вдоль деревьев. И тут крадущийся некто резко покачнулся, оседая на землю.

Я подхватила, опрокидывая миску с не слишком съедобным варевом, и кинулась к упавшему. Вил поспешила за мной. На траве, неестественно вывернув руку, лежал угловатый парень. Ни его худоба, ни разодранная рубаша и обтрёпанные штаны, ни даже восковая бледность не производили такого удручающего впечатления, как страшная рана на виске. Я знаю, что даже от незначительной царапины на голове крови бывает очень много, но тут всё казалось куда серьёзнее. На голове неизвестного завернулся лоскут кожи, обнажив белеющую кость. Неясно, как парень был ещё жив и умудрился откуда-то сюда дойти. Некоторые опасения внушал и тот факт, что его обидчик мог быть неподалёку.

Понятия не имею, верно ли мы поступали или хуже делали. Всё-таки разбираться в корешках да целебных травках — это одно, а отнимать у Пагубы её добычу — совсем иное. Но рассуждать, что да как, времени не было. Поэтому мы живенько подтащили раненого ближе к костру. Суп немедленно выплеснули, котелок отёрли пучком травы и как следует сполоснули в ручье. Не прошло и пары минут, а вода для промывания раны уже грелась и мы громко спорили, что будет правильнее: постараться зашить рану или отрезать болтающийся лоскут кожи. Конечно, зашить — оно вернее, но руки дрожали так, что взяться за иглу я бы не рискнула. Да и не было в моей суме никаких иголок. А на случай, если что из одежды порвётся, там лежала пара лишних комплектов. Потому, виновато потупясь, я нудела, что лучше срезать кожу и пусть себе заживает. Но Вил прошипела неразборчиво насчёт белоручек, покопалась в своих вещах и извлекла иглу с шёлковой ниткой. Ей, видишь ли, проще рубашу заштопать, чем выбросить. А чего шёлковые нитки с собой брала — так серьёзно в дорогу собиралась, самое лучшее и нужное в мешок отправляла.

Пока мы переругивались, кто ещё тут белоручка, вода нагрелась и можно было промыть рану. Слава богам, она оказалась свежей и чистой, нам пришлось только кровь смыть. Иглу Вилка прокалила в огне, остудила и лишь затем аккуратно расправила лоскут кожи и принялась сноровисто штопать.

Пока я размышляла, где подруга научилась зашивать раны, она сделала последний стежок и подняла голову. Лоб её был покрыт мелкими бисеринками пота, а руки заметно подрагивали.

— Узлы сама завяжешь, не могу, — прошептала героическая целительница и выронила иглоку.

День постепенно клонился к вечеру, небо было безоблачным, а внезапных гроз в это время года у нас не водится, так что о крыше над головой на ночь мы могли не беспокоиться. Хорошо ещё, нас занесло в те места, куда сельчане, даже вздумай они беглянок разыскивать, не направятся.

В сознание парень не приходил, и возник вопрос, что будем делать с утра? Бросить его здесь и мысли не возникло, тащить за собой невозможно. Оставаться с ним, покуда не оклемаётся, — с одной стороны, самый верный выход. С другой — опасно. Вил предложила засунуть больного в мою суму и поискать опытного целителя. Но это она больше от безвыходности. Во-

первых, живой человек, да ещё раненый, среди дорожного скарба — не лучшая идея. А вторых, магию не проведёшь. Даже если бы мы вытряхнули всё моё имущество, человек в суму не поместился бы. У этих зачарованных вещей очень чёткое предназначение. Сделана сума для дорожных надобностей, так и входит в неё всё, что в дороге потребно. А в этом раненом никакой нужды у путешественника не имеется.

Убедившись, что жара у больного нет, лежит он на подстилке из еловых лап и нашего одеяла удобно, а вокруг ни движенья, ни шороха, мы с аппетитом принялись уничтожать извлечённые на свет сыр и фрукты. Пока я грызла диковинный плод, напоминающий по виду репку, но более сладкий, Вил строила планы нашего ближайшего будущего.

И первой на очереди была надвигающаяся ночь. Есть ли смысл одной из нас полночи дежурить, охраняя сон остальных, вот в чём вопрос. Вздумай кто-то напасть, что с дозорным, что без него результат будет один. Ни Вил, ни я всё равно ничего не сможем противопоставить обидчикам. Я даже на всякий случай попыталась пожелать котелку лопнуть (то-то был бы смех, если б получилось — второго-то у нас нет), а наспех сооружённому шалашику из сухих веточек рухнуть. Но ничего у меня не вышло.

Мы с Вил ещё поболтали бы ни о чём, но надо было заняться более важным делом: насобирать трав, пока не стемнело, и приготовить отвар для свежезашитой раны. Мы не могли быть уверены, что она не воспалится, и решили обрабатывать её заживляющим средством.

В том, что владения лесного народца отличаются от привычного леса, мы убедились буквально через пару шагов. В окрестностях нашего селения пришлось бы немало постараться, прежде чем собрать нужные травы, а тут стоило подумать и вот они. И красная чаровница для снятия боли, и огневик, который любую заразу в ране убивает, и даже редкая душица, чтоб быстрее всё зажило. Вил уже руку протянула, как...

— Стой. Мы поклялись не рвать ни одной травинки, забыла?

— И что теперь? Будем рисковать жизнью человека, лишь бы траву не рвать? — Вил сердито хмурилась.

— Может, Ручейника попросить с этим помочь? Как думаешь, он сможет отменить нашу клятву?

— И не надейся. Желание — это желание, а клятва — это клятва. Её отменить под силу только тому, кому ты клялась. Хм, а это идея. — И рыжая внезапно заорала: — Те-е-емни-и-ик!

Мне захотелось треснуть её чем-нибудь тяжёлым, чтобы не голосила так. Толку всё равно не будет. Где это видано, чтобы лесные жители к людям по первому требованию являлись. Но каково было моё удивление, когда незнамо откуда перед нами соткался из воздуха давешний кривляющийся карлик. Не говоря ни слова, он хмуро прошествовал к лежащему без сознания парню с разбитой головой и долго-долго вглядывался в его лицо, корча недовольные рожи и цокая языком. Всё это время мы почтительно помалкивали, ожидая, что карлик проведёт рукой, дунет-плюнет, и больной поднимется, как ни в чём не бывало. Но Темник, закончив свой осмотр, обернулся к нам:

— Ну? Чего орал?

— Э-э-э, так вон же. — Мы беспомощно указали на пострадавшего. — Человек совсем плох, а мы и помочь не можем, как нам рану обрабатывать, если травы собирать нельзя?

Лесной житель странно усмехнулся и посоветовал нам топтать своей дорогой, не ввязываясь в то, чего не можем понять. Да-да, так и заявил: не ввязывайтесь, мол. Но тут уж мы упёрлись не на шутку. Даром, что ли, боги его к нам вывели? Хочешь не хочешь, а пока в себя не придёт, мы за его жизнь в ответе. И как тогда с клятвой быть? Если ничего для спасения раненого не сделаем, станем причиной его смерти. Мы так отчаянно спорили, что Темник замахал руками:

— Всё-всё, навязались на мою голову! Вы самого Темника задурите-заморочите, дай вам только волю. Ума у вас нету: траву чтоб убить, её с корнем вырвать надо. А от сорванного цветочка-листочка вреда ей не будет, клуши неграмотные. Лечите этого недобитого, да потом не жалуйтесь.

И карлик снова истаял в воздухе, оставив нас недоумевать над его последними словами. Это хорошо, что можно собирать целебные травы, но делать это лучше с утра, когда в растениях самая сила. А чтобы встать на рассвете, нужно пораньше укладываться. И мы принялись мостить себе спальное место, стараясь не думать обо всяких ужасах, которые могут приключиться ночью.

Такт третий

Я снова шла по лесу, расцвеченному солнечными лучами. Ноги утопали в высокой траве, искрящейся капельками росы и заставлявшей башмаки хлюпать и чавкать пропитавшей их влагой. Но несмотря на такое неудобство, настроение было невероятно радужное. Хотелось громко распевать какую-нибудь бодрящую песню. Останавливал только многоголосый хор лесных певцов, которые присвистывали, прищёлкивали, звенели, щебетали на разные лады. Перебивать эту какофонию своим немелодичным пением не позволяла совесть. Я наслаждалась каждым шагом, каждым вздохом, впитывая и солнечные лучи, и птичьи трели.

Но внезапно мрачная тень закрыла солнце, сделалось холодно и неудобно. Небо стремительно приближалось. Чёрные, рыхлые тучи, спустившись ниже раскидистых крон, обволакивали душной моросью, забивались в лёгкие, мешали сделать вдох. В двух шагах ничего не видно, а мутный туман режет глаза так, что больно их открывать. Но и зажмуриться не получается. Я знаю, что должна выбраться из тумана, а деревья так и норовят в меня врезаться. Приходится, наплевав на едкую резь, приоткрывать то один глаз, то другой, чтобы избежать столкновений со стволами. А дышать всё тяжелее. Я ускорила шаг и, споткнувшись о торчащий из земли корень, упала, не удержавшись на ногах, но на землю не шмякнулась — падение всё длилось и длилось. Если я угодила в пропасть, то от меня каша останется. Не-е-ет!

Тяжело дыша и все ещё слыша собственный крик, я медленно приходила в себя. Снова кошмар. Но какой же чудесный лес был в самом начале. Все ощущения: звуки, запахи, солнечный свет — всё как въяве. Послышался слабый стон. Это незнакомец подал первые признаки жизни. Ёжась от предрассветной сырости, я заставила себя подняться с неудобного ложа, чтобы посмотреть, как там раненый. Видимо, подруге этой ночью не спалось. Она хлопотала над нашим подопечным, пытаясь его напоить каким-то отваром. И когда успела?

Спросонок я никак не могла согреться, уже и в тёплый плащ закуталась, а всё одно, так дрожала, что зуб на зуб не попадал. Вил сердито скомандовала не клацать зубами, а заняться чем-нибудь полезным и махнула рукой в сторону догорающего костра, намекнув позаботиться о завтраке. Аккуратно наколотых и сложенных красивой поленницей дров никто для меня не приготовил, пришлось собирать влажный от росы хворост. Не прошло и пары минут, а руки перемазались размокшей корой, подол юбки облепил голые ноги противным мокрым мешком, и жизнь перестала казаться безоблачным праздником. А ещё и раненый этот. Мы ведь накануне так и не договорились, что с ним делать. Придётся торчать здесь, пока он не сможет идти самостоятельно. А значит, надо соорудить шалаш, того и гляди дожди зарядят. Погодница — она такая непостоянная!

Закончив таскать хворост для костра и пристроив котелок над огнём, я вопросительно взглянула на Вил. Та безнадежно качнула головой, иди, мол, сама смотри. Но я прежде сменила промокшую юбку на плотные штаны и переобулась в высокие шнурованные сапоги, так удобнее по лесу шастать. И чего я сразу так не оделась, подруга из дому в штанах идёт и в юбках не путается. А всё матушка с её вечным «Роса, ты же девочка». Это касалось всего, что весело и удобно. Не дерись — ты же девочка. Не дерзи — ты же девочка. Оставь мужицкую одежду — ты же девочка. Так неудобно по деревьям в юбке. Ах, какие-то такие деревья? Лучше почитай истории о Великой Чете — Действие и супруге его Мажане, о рождении мира и магии. И так всегда. Я и собралась по привычке — юбка, рубаха, ведь я же девочка. Хорошо хоть половину всех своих вещей в суму затолкала, там и штаны с сапогами сыскались, я запасливая, да.

А парень был совсем плох. Его бледный лоб пылал сухим жаром. Губы обметало. Он дышал поверхностно и как-то рвано. Мне стало очевидно, что можно не возиться ни со сбором трав, ни со всякими отварами, даже рану не было необходимости осматривать — он уже нежилец. Это знание пришло одновременно с нахлынувшим отчаянием. Как так? Молодой парень,

по виду наш ровесник, и такой худой, что вообще неясно, когда и ел последний раз. А теперь ещё этот удар по голове. И всё, на этом жизнь окончена.

Это было настолько неправильно, что в носу подозрительно зашипало, а глаза сделались мокрыми. Я не хотела, чтобы этот человек умирал. Не сейчас. Ещё раз пощупала его лоб, и тут он открыл глаза, уставившись на меня безумным взглядом.

— Зачем ты меня трогаешь?

Вот так вопрос. А и вправду, зачем?

— Как тебя зовут? Помнишь, как по голове получил? — Откуда-то всплыло, что это самые верные вопросы при подозрении на сотрясение мозга.

— Зовут? — Взгляд зеленовато-серых глаз так и не стал осмысленным. — Куда зовут?

— Имя своё помнишь?

Похоже, жить будет. Во всяком случае, у меня прошло ощущение близкой смерти, но с головой у него точно не в порядке.

— Имя? Имя... — Парень, морщась и стараясь не охать, попытался привстать, но рука, на которую он опирался, подломила, и он безвольно откинулся назад. — Я не знаю...

Ясно, память отшибло качественно. Но мы с Вилкой были счастливы и тем, что пострадавший пришёл в сознание и умирать передумал. При этом подруга очень странно на меня посматривала, будто в чём подозревала.

— Вил? Что не так? — Лучше сразу всё выяснить, чем друг на друга коситься.

— Ты знаешь, — задумчиво проговорила рыжая, — он ведь умирал, верно тебе говорю. Едва ли дотянул бы до вечера. А потом подошла ты, и всё — жить будет. Что ты сделала, а?

— Ммм... кто умирал? — Слабый голос не дал мне ответить. — Мне нельзя... нельзя умирать... не надо...

— Спокойно, дубина! Никто уже не умирает — все живы. — Вил решительно пресекла все разговоры о смерти, но раненый, услышав её, оживился.

— Дуб... Дубина... да...

Вроде, что-то начал вспоминать. Скорее всего, его огрели дубиной по головушке. Теперь бы ещё разобраться, кто он и откуда.

На поправку наш больной пошёл пугающе быстро: солнышко только-только стало клониться к закату, а вместо криво зашитой раны уже белел шрам. Всё это время выздоравливающий жадно пил что ему предлагали, но от еды категорически отказывался. И ладно бы, оттого, что не хотел есть, — нет же, каждый раз, как он отрицательно мотал головой, его кадык дёргался, он сглатывал, но по-прежнему говорил «нет». В конце концов нам это надоело: крови он потерял изрядно, а на одних укрепляющих отварах и силе воли долго не протянешь.

И когда парень в очередной раз отказался от миски с кашей, Вил, как это у неё водится, спросила в лоб:

— Какого Ллафара? Ты что, нашей едой брезгуешь?

Бедняга поперхнулся отваром студенистой живнянки, и на себя пролил, и в судорожном кашле зашёлся, но Вилку это не смутило.

— Не прикидывайся, будто не голоден. Почему есть отказываешься?

Когда Вил приступает к допросу, и живому-здоровому приходится несладко, а если вы ещё несколько часов назад в глаза Пагубы смотрели, то сил сопротивляться напору моей подруги у вас точно не найдётся. Парень, имени которого мы так и не знали, сделался пунцовым и наконец признался.

— Нельзя есть чужой хлеб задаром, это я помню. За любое угощение нужно воздать сторицей. Но я понятия не имею, кто я, чем прежде занимался, как сумею вам за доброту отплатить. Не знаю даже, умею ли охотиться. Помню, что по лесу бегу, и удар помню. А как я в этом лесу оказался, только богам ведомо!

Я растерялась. Что его теперь, уговаривать? Но Вилку так просто с толку не собьёшь. Она ласково-ласково улыбнулась и осведомилась медовым голосом, считает ли он достойным воздаянием за нашу о нём заботу собственную голодную смерть на наших руках. Потом, не давая ему опомниться, клятвенно заверила, что найдёт, как взыскать по счетам, и чуть ли не насильно всунула в руки миску. Парень судорожно вздохнул и принялся за еду. Ффу-у-х, одной проблемой меньше.

Теперь можно было и обсудить дальнейшие планы. Благодаря рассказам Буськи Шалого, не раз бывавшего в дальних странствиях, мы знали, что в Город непременно приведёт вода, если идти по течению. Но сколько придётся топтать по владениям лесного народца, куда нас занесло, мы не представляли. Как не представляли, что делать, окажись следующий лесной житель менее доброжелательным, чем Темник. Больше всего Вил возмущалась, что Буська не упоминал о лесном народце, хотя как они могли разминуться, если вот он, ручей, а вот они — герои баушкиных баек.

В разговор вмешался насытившийся парень.

— Так ручей в лесу не один. И все в Суетливую речку впадают. Вы, должно быть, на восход дальше взяли, ну и зашли в эти места.

Ого, о себе, значит, знать не знает, а про Суетливую помнит. А кстати...

— А скажи, добрый молодец, куда ты собираешься отсюда направиться?

Я подумала, что человек, знающий, куда текут ручьи, в дороге лишним не будет. Судя по её загоревшимся глазам, Вил была со мной согласна.

«Добрый молодец» машинально повертел в руках пустую миску, словно недоумевая, что это за чудо этакое, и нехотя признался, что не знает. Это было очень хорошее известие, и мы наперебой принялись его уговаривать идти с нами до Города, где может найтись толковый целитель или достаточно сильный стихийник, чтобы вернуть память.

— И может, уже скажешь, как тебя называть? Имя ты не помнишь, но ведь что-то тебе нравится? Или к тебе обращаться «эй, ты»?

Глаза, в которых сейчас было куда больше зелени, чем серого, уставились на нас в неподдельном изумлении:

— Я же сказал: Дубина. Это оно. Или не оно, но близко.

Пришёл наш черёд смущённо закашляться, причём, одновременно. На сельского дурачка наш предполагаемый попутчик не похож. А кого ещё могли прозвать дубиной? Или не дубина? Тогда как? Дуболом? Такое прозвище можно заслужить дурной силушкой, но даже при очень хорошем питании едва ли этот тощий парень сможет силой похвастать. Договорились, что будем называть его Незван, раз, как зовут, неизвестно. Он не возражал.

А потом он поймал стрелу.

Да, так запросто. Сидим мы, прихлёбываем мятный отвар, уговариваем Незвана с нами в Город идти. И тут у него из-за спины «вж-ж-жих!», он руку вскинул, да и застыл, глаза таращит. А в руке стрела с пёстрым опереньем — с белым в красные брызги, будто кровью испачкали. И летела она точнёхонько в одну из нас, мы рядышком сидели, а Незван напротив. Он её поймал, даже не обернувшись. Было, от чего застыть каменным изваянием, — какие, оказывается, у него полезные навыки имеются.

Незван осторожно положил стрелу, допил свою порцию отвара, поставил чашку, после чего медленно, словно преодолевая какое-то сопротивление, поднялся на ноги и повернулся в ту сторону, откуда прилетела стрела. Он, как зачарованный, сделал несколько шагов, потом замер, постоял, прислушиваясь, поводил перед собой руками. И вдруг нас обдало мощной волной неведомой Силы, аж дух захватило. В воздухе искрило и потрескивало от напряжения, а Незван, всё с тем же растерянным выражением лица, продолжал водить руками, будто что-то ощупывая. Русая прядка прилипла к взмокшему лбу, его снова залило мертвенной бледностью, но похоже, он справился с задуманным, потому что взгляд стал более осмысленным,

растерянность на лице сменилась виноватой улыбкой, и этот странный парень, закатив глаза, стал медленно оседать на землю.

Мы с Вилкой едва успели его подхватить, чтобы он ещё раз головушкой не приложился. Но на этот раз он пришёл в себя почти сразу.

— Всё хорошо, больше такого не повторится, я Щит поставил, — как о чём-то само собой разумеющемся доложил тот, кто понятия не имел, где он и что он.

Стрела, валяющаяся на сухой прошлогодней хвое, зашипела, заплевалась искрами и рассыпалась прахом. А Незван нахмурился.

— Это очень напоминает магию на крови, но здесь её быть не может, — удивлённо сообщил он. — Не в этом лесу.

А это уже интересно. Лишь очень сильный маг может так спокойно говорить о предполагаемых чарах на крови. И только тот, у кого восприятие магии находится на уровне подсознания, даже потеряв память и забыв собственное имя, сохранит способность распознавать энергетические следы.

— Роснуш, а это ты сейчас о чём? — Невинный вопрос Вилки застал меня врасплох. Откуда я этого набралась? В тех свитках, что мы читали в обучении у старейшины, о таком не говорилось. Вообще, я всё чаще замечаю, что среди моих мыслей в последнее время появляются как бы и не совсем мои. Ну откуда я знаю про следы эти энергетические, а? Но ведь знаю же! Да так, словно ещё немного и сама начну их считывать, хотя сейчас понятия не имею, как это делается.

Хорошо, со мной мы ещё разберёмся, но что насчёт Незвана? И предупреждение Темника, как бы нам не пожалеть, из головы не идёт. Со стороны посмотреть — парень как парень, двадцатого Первоцветья явно не видел. И сам весь по-юношески угловатый, на мужчину ещё не похож, и в лице мелькает что-то по-детски трогательное. Но силища, силища какая. Когда наш стихийник останавливал ураган, не было и десятой доли того напряжения, что сгустилось вокруг Незвана, пока он Щит накладывал. Кстати, очень профессиональный Щит, многослойный, и от живых, и от нежити, и от магического проникновения. Мапочки, с чего я это взяла?

Оказалось, пока меня терзали эти странные мысли, Вил очень внимательно за мной наблюдала.

— Снова непонятное, да? — сочувственно спросила она, так и не дождавшись ответа об энергетических следах. Нечего было и думать, что от неё утаится моё состояние. Скорей бы найти кого-то знающего, чтобы помог разобраться с этими странностями. Незван ведь как насчёт Щита доложил, так и сидит, травинки перебирает, отрешившись от всего мира.

Но окружающий мир и не думал отрешаться от нас. Посреди того пятка, где мы обустроили стоянку, зашевелилась земля, быстро-быстро полетели рыхлые комья, и вот уже перед нами подобие кротовой норы, но во много раз больше. Вопреки моим ожиданиям, наш новый товарищ не чары принялся выплетать, а во все глаза уставился на ворошащуюся землю, откуда с сопением выбирался кто-то покрупнее матёрого медведя. Не прошло и пары минут, как на поляне, закрытой мощным Щитом, отряхивал ярко-малиновый кафтан угрюмый бородач. Ну конечно, дна сей энергетический купол не имеет — недоработочка, господин маг!

Незванный гость хмуро нас всех оглядел, запустил пятерню в иссиня-чёрную лохматую шевелюру и как бы в раздумьях поскрёб макушку.

— Убирались бы вы отсюда подобру-поздорову, да чем скорее, тем лучше, — наконец изрёк он. — Одно беспокойство от вас.

— Ой, здравствуй! — оживилась Вил. — Хочешь взвара мятного? Или может, ты голоден?

— Благодарствую, — пробасил незнакомец. — Незачем вам здесь задерживаться, ваша смерть не пойдёт Лесу на пользу. А охранять ваши жизни у нас больше нет сил. Защита один раз уже была нарушена.

Он взглянул на горстку белого пепла, оставшегося от стрелы.

Незван согласно закивал.

— Считаешь, нам не стоит дожидаться утра?

— Ни в коем случае, — сказал, как отрезал, лесной житель. — К утру вы должны быть далеко отсюда. Мы постараемся до рассвета не допустить нападения, но надеемся, что взошедшее солнце в Лесу вас уже не увидит.

Ничего себе. Вот так нашли стихийников знающих. Я ещё бубнила себе под нос, а сама уже машинально заталкивала в суму просохшую одежду, котелок, одеяла. Едва последняя вещь оказалась упакованной, Незван подхватил мою Дорожную суму и закинул её себе за спину. То есть он, как ни в чём не бывало, преспокойно поднял груз, который не каждому каифу под силу. Хотя эти животные и ездока, и поклажу с лёгкостью возят. Так же небрежно был поднят и Вилкин мешок, рассчитанный на её силы, но тоже увесистый.

— Вы готовы? — Незван критически взглянул на нас, остался удовлетворён результатом осмотра и сделал резкое круговое движение ладонью, снимая Щит. Энергия при этом не тратилась, и никаких магических потоков мы не ощутили. Чтобы понять всё это, мне не требовалось задавать вопросы, но неясного оставалось предостаточно. Ну ничего, по дороге обо всём расспрошу.

— Подождите. — Это Вил, всплеснув руками, укоризненно качала головой. — Мы что, так в опасный путь и отправимся? Не попросив богов о покровительстве и удаче?

Незнакомец сдавленно хрюкнул от смеха, а Незван недоумённо поинтересовался:

— Каких богов? У Действита и Мажаны есть заботы поважнее, чем наша удача и безопасность. А их отпрыски — сборище недотёп. Не стоят они твоих просьб, и без их покровительства обойдёмся.

Нам доводилось слышать, что бывают люди, не уважающие богов, но всегда казалось, эти дикари в наших местах не водятся. Хотя дядька Алеш, что с заречными торговцами в Город ходил, рассказывал, как иные дурни ставят себя превыше богов. К тем глупцам отношение и у рассказчика, и у слушателей было брезгливо-жалостливое: это же надо, самому себе яму копать, раскидываясь негодными речами. Дети Великой Четы каждое наше слово слышат, каждую мысль читают, и беда тем, кто не понимает этого. Людям его только пожалеть и остаётся: непременно свыше наказан будет. Так и знакомец наш раненый — это его боги потому в таком бедственном положении в лесу и бросили, что он столь глуп и безрассуден.

— Думаешь? — ядовито переспросил Незван. — А как по мне, я в Лесу не брошенным оказался. Вас же каким-то ветром занесло туда, куда вы и не собирались.

Ой! Я снова вслух, или он мысли читает? Но спорить с ним не было никакого толку, ясно, он при своём останется. А мы с Вилкой так воспитаны, что покровителей чтить надо. Услышат, не услышат — дело десятое. Но всё же к кому больше благосклонности будет — к веже или к невеже?

Поэтому мы вдвоём прочитали все подходящие случаю молитвы — и Великой Чете, и Путевому Милостивцу, и Погоднице, и Здравнице. Нас не торопили, но нетерпение ощутимо сгустилось в воздухе. Однако вскоре необходимые дела были улажены.

Под бдительным присмотром бородача мы гуськом зашагали по каменистому берегу, вдоль беззаботного ручья. Говорить о чём-либо было решительно невозможно, стремительный поток заглушал любую попытку, поэтому моё любопытство снова пришлось попридержать. Но нужно было торопиться: до наступления ночи оставалась пара часов, а в кромешной тьме идти по выворачивающимся из-под ног камням довольно опасно. Так что все разговоры мы отложили на потом, до той поры, когда путь станет ровнее.

Такт четвёртый

— А почему ты не боишься ругать богов? А как зачарованную суму поднял? А почему этого бородатого не опасался, вдруг бы он специально выманивал нас из-под Щита? А если не помнишь, чем занимался до травмы, то как с магией управляешься? А мы идём наобум, или ты знаешь эти места? А почему Темник нам советовал тебя сторожиться? А кто нам зла желает? А почему...

— Роска, не всё сразу. — Подруге удалось вставить слово, и то лишь потому, что я на миг замолчала, переводя дух. Но должна же я была спросить обо всём, что меня интересует! Почему-то казалось, Незван не станет отвечать на большую часть вопросов, вот и вываливала всё, чтобы у него был выбор, какой информацией делиться.

Ночь уже давным-давно вступила в свои права, и если бы не яркие звёзды да россыпи светляков, мы бы с Вил снова натыкались на каждое дерево. Хотя нет. Рядом с нашим негаданным попутчиком тьма отступала. И пока мы не отдалялись от него больше, чем на пару шагов, видно всё было, как в густых сумерках. Я проверила, чуть поотстала и — бац! Один лишний шаг, а такой резкий переход к полной темноте. Снова какая-то чудная магия. Новый вопрос, а мне и на прошлые пока не ответили.

Но оказалось, Незван просто собирался с мыслями. Или выбирал, что и как можно сказать. Шли мы, отклонившись от ручья, потому что «так лучше». Хорошо, когда заблудимся, буду знать, с кого спрашивать. За всё время пути под ногой «пришибленного на голову» не хрустнула ни одна ветка, тогда как мы с Вилкой ломились не хуже стада диких кабанов. Но никакого недовольства наш новый товарищ не выказывал. Шёл себе и шёл, нагруженный вещами, словно бы вовсе налегке, весь в своих мыслях, хотя и подавал вовремя руку или поддерживал оступившуюся. Поэтому, когда он заговорил, с лёгкой хрипотцой, как это бывает после долгого молчания, я аж вздрогнула.

— Я действительно не помню, кто я, и не понимаю, что вы называете магией.

— Нет, так дело не пойдёт, — немедленно запротестовала Вил. — Что-то ты сделал, чтобы тот Щит наложить, и темноты не замечаешь. А стихии на помощь не призывал, тогда как?

— А что ты делаешь, чтобы твоё сердце билось? Или как заставляешь себя дышать? Некоторые вещи мы не в силах контролировать. Я почувствовал опасность и закрыл стоянку Щитом, а от визитёра никакой угрозы не исходило, поэтому ему можно было к нам проникнуть. Я бы его и так пропустил, но он уже в землю закопался. Не знаю, почему вас от меня предостерегали, и кто вам или мне желает зла, но это не боги. Им дела нет. Они такими мелочами не интересуются. — Вроде и ровнёшенько говорил, а в голосе такая горечь.

И зря я думала, что Незван собирается утаивать правду. Он монотонно без эмоций по порядку выкладывал ответы на заданные мною вопросы. И это спокойствие было таким идеально ровным, как натянутая тетива, что вот-вот лопнет. А провоцировать взрыв не хотелось: мы парня всего ничего знаем, но силу его уже видели. Поэтому я предпочла замолкнуть. Вил тоже помалкивала.

Когда мы добрались до края леса, до рассвета было ещё далеко. Здесь, под укрытием уже довольно редких деревьев, Незван предложил дожидаться наступления утра, дескать, отдых нам нужен. Но явно имел в виду не себя, а нас двоих. Хотя это именно он тащил все наши вещи, именно он прошлым утром умирал от раны в голове и потери крови, по нему этого не было заметно. Пока мы с рыжей копошились, извлекая из дорожных баулов одеяла, наш спутник внимательно осмотрел место стоянки, наложил по кругу охранные чары и уселся, привалившись к старому приземистому дубу. Он настолько погрузился в свои мысли, что на наши оклики даже не реагировал.

— Станный он, тебе не кажется? — прошептала Вил мне в ухо. — Не стихийник, но и на смутного не похож. Я читала, те смерть как стихию используют, а он вроде никаких жертв не приносил, хотя магией направо и налево расшвыривается. С чего он её черпает, а?

— Да почём я знаю. — Сон потихоньку испарялся. — Мало ли в мире людей, обладающих даром? И старейшина говорил, что, кроме стихийников, ещё и смутные есть, и озёрные, и лесные жители, что иной силой пользуются. А он ведь честно признавался, что многого о магии и сам не знает. До Города доберёмся, там и поспрашиваем.

— А если он до встречи с нами такую жертву принёс, что теперь надолго хватит? — не унималась подруга. — А к нам прибился, чтобы в запасе новые дурочки для смертоубийства были?

— Неа, это вряд ли, — фыркнула я. — Мы сами его уговаривали с нами идти, забыла?

— Ага, как же. Они, знаешь, какие хитрые. Ты и не заметила, а уже умоляешь его сделать то, что ему самому выгодно.

— Нет. — Ровный голос подействовал на нас подобно оглушительному хлопку над ухом. — Энергию смерти я точно не использую. Во всяком случае, в восполнении сил не нуждаюсь, хотя защитные чары и энергозатратны. Но всё происходящее мне тоже не нравится. Не хотелось бы стать причиной проблем и неприятностей. Это было бы чёрной неблагодарностью. Если агрессия направлена на меня, нам лучше расстаться. Но если цель вы — я должен вас защитить.

Смущение Вил длилось недолго.

— У Роски есть дар. Если судить по тому, как она вернула на место вытекший глаз и тебя от Пагубы вытянула, — дар немалый. И как нам знать, что ты зла не умышляешь, чтобы её даром воспользоваться и себе его подчинить, а?

Парень усмехнулся.

— Ты уж реши, заставил я вас меня в компанию принять, чтобы жертвы под рукой были, или мечтаю твою подругу сделать своим орудием.

— Так одно другому не мешает.

За этими препирательствами мы бы, наверное, и рассвет встретили, если бы Незван не сказал нам, что мы хотим спать. Мы? Спать? Да у нас сна ни в одном глазу! И нечего диктовать, чего мы хотим, а чего не хотим. Ишь, выискался.

Я резко поднялась на ноги и кинулась прочь от этого опасного человека. Но далеко уйти не удалось, крепкие руки держали мёртвой хваткой. Можно было сколько угодно трепыхаться, толку никакого. Обмякнув в притворном смирении, я дождалась, пока внимание удерживающего меня странного мага не переключилось на что-то другое, и рванулась с удвоенной силой. Вырваться удалось, но на ногах я не устояла и со всего размаха грохнулась оземь, да так неудачно, что из носа хлынула кровь.

Алые струйки стекали по ладоням, поднесённым к лицу, и стереть их было нечем, разве что руками размазывать. И я смотрела, как на землю падают красные капли, не в силах двинуться с места. Тот, кого я опасалась, больше не приближался. Просто смотрел и злобно хохотал, видя такую картину. И от этого хохота у меня подгибались ноги. Я поняла, что Вилима права, не доверяя нашему попутчику. В сердцах я утёрлась рукавом и выхватила нож.

Серебряное лезвие приветливо поблёскивало, как бы успокаивая, говоря, что мы справимся. Рукоятка удобно лежала в ладони. Мы с ножом были готовы к броску. Но тут противник чёрной тенью заметался по поляне, ежесекундно меняя месторасположение, не давая ни единого шанса сосредоточиться, поймать его взглядом. Я подумала, что у меня есть ещё пара метательных ножей на случай промаха, и плавно отправила своё оружие в его разящий полёт.

Время остановилось: клинок двигался так медленно, что я успела разглядеть расширившиеся глаза, меняющие цвет от насыщенной зелени до выцветшего серого, и хмурающийся лоб с набежавшей морщинкой, и нервное подрагивание щеки. А нож всё приближался к тому, кто попытался ввернуться к нам в доверие.

И вдруг время снова понеслось стремительно, как ему и полагается. Оружие нашло свою цель — беззащитная шея приняла удар на себя, и русая голова оказалась практически отделена от тела, запрокидываясь, заваливаясь назад и оголяя кровавый обрубок с рваными сосудами, толчками выплёвывающими кровь.

Дёрнувшись несколько раз в предсмертной агонии, тело начало оседать на землю, словно нехотя, без желания. И вот всё закончено, мертвец в луже крови у моих ног, и нет больше угрозы. Но отчего так трудно дышать? Удушливая волна встала от трупа, окутывая, сдавливая, не давая сделать вдох. Я ощутила, как рвутся лёгкие, наполненные непригодным для дыхания смрадом. Не-е-ет!

— Роска, Росочка, всё хорошо, это просто кошмар. — Голос Вилки пролился бальзамом. — Вставай, хватит орать уже.

Я открыла глаза и тут же шарахнулась как ошпаренная, — прямо передо мной маячил нахмурившийся Незван, убитый в кошмаре.

— Что ты видела? — Требовательный тон не давал надежд уйти от ответа.

Что видела? Я прислушалась к ощущениям: сон не был вещим, обычный кошмар. Но что-то не давало отмахнуться от виденного, словно какая-то его часть имела отношение к окружающим меня людям или событиям.

— Ты видела смерть? — А Незван получше меня соображает. — Это была смерть кого-то, кого ты знаешь?

Я неопределённо мотнула головой — не хочу говорить. И никто не стал допытываться до истины. Дыхание постепенно выравнилось, и мне удалось взять себя в руки настолько, чтобы отметить и собранный уже на тряпице завтрак — как это Вил раньше меня удалось проснуться? И начинающее сереть небо. А мне-то казалось, ещё половина ночи впереди.

Но эта ночь закончилась. И по словам Незвана, это была последняя ночь, когда мы могли чувствовать себя в относительной безопасности. Лесной народец от нас по мере сил беду отводил, и сам Лес не позволял тёмной силе нанести ощутимый урон своим гостям. Зато на открытом пространстве нам будет и безопаснее, и тревожнее. С одной стороны, без магии, переполняющей Лес, кто бы то ни было не сможет творить днём, при свете солнца, тёмные чары. Магии крови, как правило, потребна ночь. Ночью же нам придётся нелегко. Незван предложил останавливаться на ночёвки в людных местах — дворах постоялых, трактирах, проситься на постой в селениях. Лишь бы не в чистом поле. Среди большого скопления людей сложнее вычислить энергетический след, и тем, кто против нас злоумышляет, придётся вести поиски без магии. А это уравнивает шансы.

Наскоро позавтракав и безуспешно попытавшись отвоевать право тащить собственные пожитки, мы с Вил, как и ночью, налегке, выступили в путь вслед за Незваном. До края леса оставались считанные шаги, когда...

— А-а-а-а!

— Тише, — чуть слышно выдохнул Незван, хватая меня за руку и заставляя молчать. Мы едва не споткнулись о распростёртое тельце. Ребёнка?

В рассветном сумраке удалось разглядеть лужу тёмной крови, в которой лежал бездыханный карлик. Я крепко прижала ко рту ладонь, чтобы вновь не заголосить. Его безволосая голова, отделённая от туловища, откатилась влево, и провалы мёртвых глаз были устремлены в нашу сторону. Темник. И двух суток не прошло, как он уничтожил наши запасы и подшучивал над нами. А ведь он из лесных жителей — их так запросто не возьмёшь. Ночной кошмар снова стоял перед глазами, теперь беспощадно реальный, без удушья, но с неотвратимой безысходностью.

Незван скинул суму и мешок, опустился перед телом на колени. Он, как ищейка, припал к земле, не то высматривая, не то вынюхивая что-то. Аккуратно провёл ладонью над самым трупом, и пролитая кровь замерцала багряными всполохами. Вил побледнела так, что могла

соперничать с луной. А мёртвые глаза вдруг засветились жёлтым и запёкшиеся губы разомкнулись.

— Жажда смерти утолится...

Незван так быстро взмахнул рукой, что уловить само движение было невозможно. Тело вспыхнуло, охваченное высоким пламенем, но когда огонь опал, почерневшие, обугленные останки поведали нам окончание то ли заклинания, то ли предсказания:

— ... Камень слово подтвердит.

Сердце перестанет биться,

Если «Да» без «Нет» звучит.

А потом то, что оставалось от нашего недолгого знакомого, рассыпалось золою.

— Идём! — В чувство нас привёл резкий негромкий оклик парня, который повернул в обратную сторону и зашагал, не оглядываясь, вглубь Леса. На этот раз он даже не замечал, что ветви, отодвигаемые им со своего пути, распрямляются, угрожая хлестнуть одну из нас по лицу или рукам. Где тот бесшумный маг, что за всю ночь не хрустнул и сучком? Незван ломился сквозь заросли, не разбирая дороги. Мы с Вилкой едва поспевали за ним, то и дело уворачиваясь в попытках не получить веткой в глаз.

Меня так и подмывало поприставать с расспросами, но чувство самосохранения шептало, что не стоит этого делать, не в том он настроении. Впрочем, кое-что ясно было и без всяких пояснений. Мы имеем дело не просто с магией на крови, а с самой страшной её ипостасью. С той разновидностью магического воздействия, для успешного воплощения которой требуется смерть. Безвременная, насильственная смерть ничего не подозревающей жертвы. И Незван скорее всего предположил, что кто-то из лесного народца причастен к произошедшему, очень уж целенаправленно он двигался.

Но как же так? Странная потеря памяти: сам себя не помнит, а всё про всех знает или догадывается. А что делать, если у него не самые гладкие отношения с тем, к кому мы так несёмся? Может, постоять в сторонке с деланным видом «мы с этим психом не знакомы»? Глядишь, и живы останемся.

А ещё мне было ужасно интересно, перестала ли действовать клятва, принесённая нами Темнику. То есть, можем ли мы теперь прихлопнуть в Лесу какую-нибудь букашку? И продолжит ли появляться еда при необходимости?

— Рос, — дёрнула меня за рукав запыхавшаяся Вилка, — а Темника хотя больше и нет, клятва, наверное, силу по-прежнему имеет, как думаешь? В смысле, там же не было сказано «покуда живы», значит, смерть её не отменяет.

— Да не собираюсь я тут убивать направо и налево! — И как она знает, о чём я думаю?

Мы уже понемногу начинали выбиваться из сил от такой стремительной прогулки, когда густые лесные заросли расступились, пропуская нас на большую поляну. Это было такое диковинное зрелище, что мы встали, как вкопанные. Деревья, обрамляющие довольно значительное пространство, все как на подбор были гладкоствольными, ветвиться они начинали на высоте этак в три-четыре человеческих роста. Зеленоватая кора светилась в лучах утреннего солнца, создавая приподнятое настроение. Но пялились мы с подругой, открыв рты, вовсе не на эти, прежде не виданные нами деревья, а на огромный ослепительно белый шатёр посреди поляны.

Входной полог был приподнят, позволяя видеть внутреннее убранство: изумрудно-мшистые ковры, отливающие золотом покрывала, россыпи багряных искорок по стенам. И в глубине шатра, среди горы пёстрых подушек — что-то или кто-то в ярких накидках.

— Твоё Лесное Величие, выходи, разговор есть, — непочтительно обратился Незван, останавливаясь перед шатром и скидывая наземь наши пожитки. — Я внутрь не пойду, под солнцем будем говорить.

Но не успел он замолчать, как вокруг нас прямо из воздуха соткалась целая толпа грозных существ в просторных одеяниях из плетёных трав. Тут были и невысокие толстячки, покрытые

с головы до ног пушистой шерстью с каштановым отливом, и длинные, худые, как жердь, золотоволосые девицы с беличьими мордочками вместо лиц, и множество других звериных физиономий. И всем им не нравилось наше присутствие на поляне. А иначе почему мы оказались прочно спелёнатыми по рукам и ногам чем-то невидимым?

Мы с Вил ещё немножко потрепыхались, но чем больше дёргались, тем крепче на нас затягивались силки.

— Рос, может, проклясть их попробуешь, путы эти? — не выдержала Вил. — Пожелай, чтоб они лопнули! Вдруг получится?

— Забыла, что ли, — на живое всё равно не подействует. А в этом лесу, кажется, и камни живые, — еле прошипела я, чувствуя, что задыхаюсь в объятиях этих зловредных пут.

Незван разок дёрнулся, проверяя крепость наброшенных на него сетей, и замер. Он сразу стал выглядеть старше — не то насупленные брови такое впечатление производили, не то тревожное предчувствие в глазах. Он будто бы чего-то ждал, торопил и в то же время опасался этого.

— Госпожу интересует, как вы прошли на поляну, не потревожив стражей, — распевно сообщил один из окруживших нас шерстяных лохматиков.

Вот это новость. А мне казалось, мы потревожили всё лесное население на полдня пути в округе. Наверное, эти стражи — самые большие сони, каких можно придумать! Или, — я подозрительно покосилась на Незвана, — снова его непонятная магия.

Так и не дождавшись ответа, Госпожа решила явить нам Своё Величие и неспешно выплыла из шатра. О, здесь было, на что посмотреть. Никогда прежде я не думала, что бывают настолько текучие формы. Вышедшее к нам существо не задерживалось в одном обличье дольше, чем на пару дюжин вздохов. Нежная персиковая кожа перетекала в грубую сероватую кору, острые хищные черты лица сменялись ничем не выражающей маской. От юной прелестницы до дряхлой карги и обратно, из ожившего дерева в медведицу, а после всё по кругу. Я бы протёрла глаза руками, если бы не была так надёжно спутана.

Незван таращился на Госпожу по-детски, не моргая. Теперь он не казался старше, наоборот, дитя дитём! Может, и я так же выглядела, Вилка просто зачарованно замерла с абсолютно счастливым лицом.

А Госпожа с тысячей ликов обошла нас кругом, приглядываясь, прислушиваясь, и наконец покачала головой:

— Снова влип? Молодец, что сразу ко мне поспешил. — Она махнула рукой, и путы опали. — А я-то гадаю, кто такой смелый. Рассказывай.

Мы с Вил затаили дыхание. Неужели сейчас приоткроется завеса тайны, и мы узнаем правду о своём попутчике? Напрасно. Незван сухо и обстоятельно пересказал всё произошедшее с того момента, как он пришёл в сознание на берегу ручья. Подчеркнул, что один из подданных Госпожи предостерег «этих великодушных особ» (кивок в нашу сторону) от спасённого ими, поведал о стреле, предполагаемой магии смерти и гибели Темника. Все это чётко, кратко и без эмоций. В довершение своей речи Незван потребовал от «Её Лесного Величия» объяснить, что это за кровавая охота и на кого именно она объявлена. Ну не наглость ли — заявиться к Повелительнице лесного народца и призвать её к ответу? Хотя, судя по её словам, она к Незвану относилась дружески, но надо и совесть иметь.

Вопреки моим опасениям, Госпожа не разгневалась. Напротив, разволновалась, красивое лицо, не менявшееся на протяжении разговора, пошло бурными пятнами, и мы услышали чуть сбивчивое признание.

— Вы не подумайте, будто я или кто-то из моих подданных причастен к тому, что творится в Лесу, — поспешила уточнить рассказчица. — То есть, причастны, конечно, но никто из нас не желал, чтобы всё так вышло. Он был очаровательным ребёнком с задатками невероятно сильного мага. Если бы не проклятие, попавшее в него по несчастливой случайности, он мог

вырасти среди людей и стать великим чародеем. Но из-за того проклятия магический потенциал ребёнка возрос до небывалого предела. Он сделался опасен для окружающих и самого себя. Лишь здесь, под пологом лесной магии, был шанс обуздать растущую силу. Не спрашивай, кто меня просил и почему я согласилась, но я сожалею о том, что приняла юного мага в своём Лесу. Тебе известен источник нашей силы, и наш воспитанник соединил дарованное ему от рождения с тем, чему научился у нас. И теперь среди смертных ему нет равных, но он вознамерился сравняться с богами.

Голос Госпожи звучал всё глуше и вскоре стал неразличим. Разношёрстная толпа истаяла в воздухе в самом начале нашего разговора, мы хранили молчание, и на поляне воцарилась тишина.

— Я бессильна против него, слишком многое было открыто, — после паузы продолжился рассказ. — Он не имеет полной власти в Лесу, но слишком искусен в использовании здешней силы. Мне не следовало быть столь беспечной. Не знаю, чем привлекли его вы, но раз он выбрал жертву, ваша участь печальна.

— Это мы ещё посмотрим. — Незван скептически покачал головой. — Ты только скажи мне, Твоё Величие, а кто я есть? Как по голове получил, ничего не помню.

Вот это удивил, так удивил. Госпожа даже ахнула тихонько. Но быстро справилась с изумлением и печально вздохнула:

— Сейчас ты не принадлежишь себе. Если я назову твоё имя, оно останется звуком, и это не поможет, а всё осложнит. Ты должен вспомнить сам. Но я вижу, вы устали после беспокойной ночи. Здесь на поляне безопасно. Ему не преодолеть чар этого места. Отдыхайте, после я помогу вам покинуть Лес.

Отдых в представлении «Её Величия» заключался в возлежании на расшитых подушках, при этом объедаясь неведомыми сладостями. Я и не подозревала, что существует столько всяких ягод, которые можно засахарить, и столько сортов мёда с разным вкусом, цветом и запахом. Белый, зеленоватый, тёмно-коричневый и золотистый, жидкий прозрачный и кристаллический, похожий на снег, приторно-сладкий и горьковатый. Мёд вересковый, барбарисовый, кипчушный, искринковый. И хоть я никогда не была сладкоежкой, рука сама тянулась за добавкой.

Спать нам не предложили, наоборот, Повелительница вовсю развлекала пустяжными забавными историями из жизни своих подданных.

— ...И в этот самый момент он поднимает на неё взгляд и говорит: «Милая моя, это же полынь, а не укроп».

Мы с Вил хохотали, не особо вникая в смысл. Было спокойно, не нужно остерегаться внезапного нападения, никто на нас не охотился и никто не угрожал. И пусть это ненадолго, не хотелось забивать себе голову пустыми тревогами.

Но Незван был настроен выяснить всё, что Повелительница знала о происходящем. Не заботясь о приличиях, он перебил радушную хозяйку на полуслове:

— Твоё Величие, я не смогу сейчас объяснить своим спутникам так, чтобы они поняли, сама расскажи, какую магию вы вложили не в тот сосуд.

Изумительно красивое лицо, что Госпожа сохраняла всё это время, задрожало, будто студень, перекопилось, и вот уже перед нами бесформенный бурый комок, на котором глаза и те отыскать трудно. Тело тоже неуловимо изменилось: вместо изящной женской фигуры теперь это был большой булыжник, как те, виденные нами на берегу ручья. Незван терпеливо ждал, пока Повелительница справится с эмоциями, взглядом призвав нас к молчанию. Что за напасть? Он скоро будет нами командовать, как пастух овцами. Куда кивнёт, туда и побегим. Силы в нём немерено, но с чего бы нам так его слушаться? Почему мы покорно молчим, стоит ему шикнуть?

— Об этом не говорят с чужаками, — монотонный голос Госпожи вернул меня к действительности, она уже приняла устойчивое обличье прежней красавицы, только безупречное лицо больше не было безмятежным, в глубине миндалевидных глаз расплескались боль и тревога. — Я бы не стала отвечать на твои вопросы, но ты не тот, от кого можно отмахнуться. Всего вы от меня не услышите, но главное должны понять. Кто знает, может, вы и есть та самая кошка, о которую он споткнётся. Молчите. Слушайте.

Постепенно я задремала. Или нет. Но голос звучал всё глуше, я уже не могла различить ни Вилки, ни Незвана, ни самой рассказчицы. Зато как наяву видела мальчишку лет десяти, испуганно жмущегося к нервно подёргивающемуся пятнистому боку красавца-каифа. Зверь недовольно фыркал, бил себя хвостом и перебирал передними лапами, но не пытался рывкнуть на явно раздражающего его ребёнка. Всхлипывающий пацан наконец оставил в покое животное, и каиф скрылся за деревьями, а мальчишка упал на колени и начал в голос молить Великую Чету услышать его. Он просил помочь выбраться из этого страшного леса, вернуть родителей и братьев, «чтоб всё, как было!..» Затем сопливый богомолец достал из кармана штанов нож и взмахнул им над своей ладонью, алые капли упали на траву, и вокруг мальчишки стилилась мгла.

— Я не могла не откликнуться на зов того, кто расплатился кровью, призвав в свидетели богов, — вновь доносится до меня голос Госпожи. — Наша магия — это таинство смерти, но жертва добровольно пролитой крови опьяняет.

Повелительница лесного народа помолчала и со вздохом продолжила.

— На нём лежала печать проклятия, неизбежности. Мне не удалось выяснить, кто пожелал зла роженице, но её дитя не стигнуло ни в колыбели, ни делая первые шаги. Проклятие нарушило хрупкое равновесие даров Действита и Мажаны, и вся немалая сила, данная ребёнку от рождения, стала неуклонно увеличиваться. Она продолжала бы расти, пока не уничтожила его и весь этот мир. Человеку не под силу сдерживать такую мощь, если он не обучен нашей магии — магии смерти. Лишь энергия последнего вдоха способна удержать и обуздать тот вихрь, что зарождался в испуганном заморыше. Но, скажу не тая, куда проще было бы избавиться от всех бед на месте, попросту свернув ему шею.

Ну ничего себе! Мало того, что они «смертью питаются», так ещё без зазрения совести способны убить ребёнка. А я уже думала, мне нравится эта Госпожа. И чего не убили, интересно?

— Потерявший себя, я вижу, ты не столь шокирован, как твои спутницы? Ты понимаешь, почему я не забрала жизнь, хотя и видела угрозу?

Незван кивнул и бросил на нас успокаивающий взгляд:

— Лесные не убивают. Совсем. Они используют энергию естественного ухода. Не по доброте душевной, а потому, что насильственная смерть даёт гораздо больший выплеск. Больше того, что они способны принять. Убивший тут же умирает сам.

— А если не самим, а приказать кому-то? — Кто бы сомневался, что Вил уже перебирает варианты.

— Опосредованное убийство остаётся убийством. Магию не обманешь. — Госпожа грустно качнула головой. — Каюсь, я оказалась слаба. И доводы того, кто попросил за этого ребёнка, были так кстати. В тот момент мне показалось, что принять Проклятого в Лесу и обучить его брать силу под контроль — это спасение для мира. Но я не подумала, что мой воспитанник, в отличие от нас, другой природы — он не ушёл в Вечность, впервые отняв чужую жизнь.

И снова молчание. Что за привычка делать паузы на самом интересном! Луч солнца скользнул по Вилкиному лицу, и она звонко чихнула. Повелительница, словно опомнившись, резко взмахнула рукой, отгоняя призраки прошлого.

— Довольно! Мальчик вырос. И возжелал сравняться с богами. Мне неизвестно, с кем он успел пообщаться из детей Великой четы, но те не приняли его за ровню. И тогда мой воспитанник поклялся накопить столько силы, чтобы уничтожить мир, смеясь над ним с Действитова престола. Мальчик всегда был падок на высокие слова. Но думаю, сейчас он как никогда серьёзен. Пока ещё он беззащитен перед тайной угрозой, хотя в открытом столкновении с ним не совладеет и целая армия ваших стихийников. А потому на Пустынной оконечности мира им была воздвигнута Серая Башня. Там скрывается тот, кто терпеливо ждёт своего часа, тот, кто не останавливается перед самыми кровавыми жертвами, чтобы этот час настал как можно раньше. И хозяин Серой Башни выбрал своей целью кого-то из вас. Я бы сказала, это ты, Потерявший себя, но спутницы твои также могут быть ему интересны. Так что ваша судьба незавидна, — закончила Повелительница, и в который раз воцарилось молчание.

Даже Незван не торопился с комментариями, а мы и вовсе приуныли. Путешествие в Город, ещё три дня назад казавшееся многообещающим приключением, теперь сулило не то, на что мы рассчитывали. Ритуалы эти кровавые, псих, мечтающий с богами сравняться. А кстати...

— Госпожа, а как имя твоего воспитанника?

Лучше быть в курсе, кем нас тут запугивают. До Города путь неблизкий, мало ли, кто на пути попадётся. Хотя сам он с нами и говорить не станет, но у него могут быть помощники. Разоткровенничается какой-нибудь его подручный, я, дескать, по приказу такого-то направляюсь, а мы уже знаем, что он служит нашему врагу. Судя по скептическим усмешкам, я снова вслух размышляла. А, ладно, все умные, одна я балбеска. Так как его зовут?

— Ты не знаешь наших обычаев, дитя, — укоризненно покачала головой хозяйка Леса, будто я эти обычаи половину жизни изучала, да так и не освоила! — Мы не даём личных имён друг другу и не пользуемся ими при общении. Хозяина Башни Пустынных земель мы называли Сероглазым: он смотрит на мир словно бы из-за завесы холодного дождя.

— Постой-ка, — не удержалась и Вил, — а если он прячется от удара в спину на Пустынной оконечности, то как дотягивается сюда?

— Он очень сильный маг, ему подвластно такое, на что способен не каждый из Действитовых чад. Он может видеть след сплетённых чар в зеркале ритуального клинка. Клинк, испившего крови. Но лишь при свете звёзд. Поэтому вы должны очень быстро передвигаться днём, используя все доступные вам средства. И полностью, абсолютно избегать магии ночной порой. У каждого из вас есть собственный магический отсвет, но он отличается от волшбы большинства человеческих магов, укрыться за чужими следами у вас не выйдет. Просто не плетите чар после заката.

На этих словах Незван пружинисто поднялся на ноги, не смущаясь присутствием Повелительницы, потянулся и подал знак нам с Вилкой — пора.

— Извини, Твоё Величие, но мы засиделись. Провожать не надо, счастливо оставаться.

И по тому, как решительно он подхватил наши вещи, стало ясно — и впрямь засиделись. Как-то так незаметно вышло, что лидером нашего крошечного отряда стал этот странный парень, и я пока не решила, нравится мне это или нет. Учитывая, что мы ничего о нём не знаем, скорее нет. Мало ли, кем может оказаться тот, от кого сама Лесная Повелительница не решается отмахнуться. И мало ли, куда он может завести. Меня снова охватил приступ недоверия. Ну уж нет, хозяйка этих мест упомянула, что наша, а значит, и моя магия, от прочих людей отличается. И я с места не сдвинусь, пока мне не объяснят разницу.

Незван коротко взглянул на меня, когда я озвучила это требование, и молча двинулся прочь с поляны. Вилка бросила на меня виноватый взгляд и подалась за ним. Что? Предательница! Ужасно не хотелось подчиняться подобному произволу, но что мне оставалось?

— Привычная всем магия — это магия стихий. — Незван не оборачивался на меня, проверяя, иду ли следом, слушаю ли. Он был абсолютно уверен, что да — иду и слушаю. — А

ты свою силу не в стихиях, во снах черпаешь. Неудивительно, что тебя со стихийником никто не спутает.

Узнав от Лесной Повелительницы, что, воздерживаясь от чар после заката, мы можем чувствовать себя в относительной безопасности, Незван приободрился. Он по-прежнему был готов отвечать на бесконечные вопросы, но мне показалось странным, что ещё ночью он заявлял, будто ничего не понимает в магии, использует её и всё. А теперь с лёгкостью выдаёт разъяснения относительно всё той же магии.

— Ладно, у меня сны. — Насчёт его странностей я решила пока помолчать. — А Вилка?

— А что Вилка?

— Вилка на сны не жалуется. Она тогда магию откуда берёт? — Удивительно, что об этом спросила я, а не рыжая. Она совсем на себя не похожа: насупилась, помалкивает, будто обдумывает что-то более важное, чем этот пустячный разговор.

Незван смерил оценивающим взглядом мою подругу, даже шаг замедлил. И кивнул ей, дескать, чего ж ты? Расскажи нам, поделись секретом. Вилка вспыхнула, прищурилась на него недобро и буркнула:

— Нет у меня никакого дара. И магии нет. — Губы поджала, а из глаз вот-вот слёзы брызнут. Она что, так расстроилась из-за этого? Чудачка. Мы же с ней вместе читали, какие бывают неприятности от этих магических способностей.

Разговора не вышло. Незван не собирался больше ничего объяснять, а Вил тема была слишком неприятна, чтобы продолжать её дёргать.

Интермеццо

На другом конце мира в башне цвета одиночества мрачно взирает с балкона сквозь завесу дождя человек без возраста. Если не заглядывать в глаза, его можно принять за юнца, впервые вырвавшегося из-под родительской опеки и по-щенячьи открытого навстречу жизни, но глаза выдают немалый опыт и длинную череду потерь и разочарований.

Человек слушает дождь. Впрочем, слушать, как капли барабанили в узкие окна и стучат по всем скатам и откосам, здесь можно в любое время дня и ночи. Этот человек нуждается в дожде. Он живёт дождём. И дождь над его жилищем идёт всегда. Это единственная вольность, которую Сероглазый позволил себе, единственное изменение, внесённое им в картину мира, окружающего башню. Дождь ему нужен, чтобы не забыть. Среди суеты, среди забот, открытий и крушения иллюзий — не забыть тот день, когда его мира не стало.

Он никогда не понимал тех, кто говорил, что любит дождь. Для него дождь — это боль. Боль сложно любить. Но можно испытывать в ней жгучую потребность.

В тот день, когда всех его родных охватили языки пламени, шёл дождь. Он, тогда десятилетний мальчишка, онемев от ужаса, смотрел, как отец, мать, братья выскакивают под хлещущие с небес потоки воды в надежде сбить пламя. Но этот дождь не принёс спасения. Они так и сгорели заживо. Все. У него на глазах. Сколько веков назад это было?..

— Господин! — скрипучий голос слуги с бегающими мутными глазками, как обычно, возвращает Сероглазого в сегодняшний день. — Господин, пора!

Человек без возраста медленно оборачивается и кивает. Да, он уже идёт, ритуал должен быть завершён, все песчинки, участвующие в создании картины из песка, должно развеять над миром в свой срок, иначе узор не сложится.

Такт пятый

Идти, не останавливаясь, пришлось довольно долго. Разговоров мы больше не вели, задумавшись каждый о своём. Хотя за Незвана не поручусь: может, он и вовсе ни о чём таком не размышлял, а дремал на ходу. С него бы случилось. Но направление он каким-то чудом держал, и к Суетливой речке мы вышли ещё засветло.

Нам с Вилкой прежде не доводилось забираться так далеко от дома, поэтому ничего удивительного, что открывшийся берег заставил нас разинуть рты. Суетливая не давала надежды на скорую переправу. Вроде не широка, а каиф не перепрыгнет. И глубокая. Я хотела было сунуться, но Незван, успевший скинуть наши вещички на траву, меня остановил. Хмыкнул насмешливо:

— Кто тебя станет вытаскивать из стремнины? Мне промокнуть неохота, а подружка твоя вряд ли плавать горазда. Сиди-ка ты лучше на берегу. Здесь переночуем, а по светлому двинемся дальше.

С каждым часом он всё меньше походил на того растерянного паренька, которого мы спасли от верной смерти. Но Вилка то ли не видела этой странности, то ли не хотела обращать внимание. Она тут же приступила к расспросам, при помощи каких чар мы станем перебираться на тот берег. А мне сделалось не по себе. Я тихонько отошла от спутников, и не заметивших моего демарша. Незван разлёгся в густой сочной траве, закинул руки за голову и негромко вещал о том, что это глупость несусветная — считать, раз вышли к реке, то непременно нужно переправляться на другой берег. Оказывается, мы пойдём вниз по течению, не преодолевая водного препятствия. Нас и этот берег вполне устраивает.

Дальше я уже не слышала. Обида душила, не давая вздохнуть. Было такое чувство, словно меня предали. И кто? Лучшая подруга безоговорочно признала право первого встречного нами командовать, а на меня уже ноль внимания. Глупость и нелепость этих претензий были очевидны, но ничего поделать с собой я не могла. В компании Незвана у нас значительно больше шансов добраться до Города, он сильный маг и всё такое, но с ним связано очень много неясного. А я так не люблю не понимать. И на вопросы он вроде бы отвечает, но избирательно. Похоже, топать в Город да искать знающих людей и нужды нет. Он и сам всё мог бы разъяснить. Но предпочитает отделяться недомолвками. Ноги путались в сырой траве, быстро сгущающиеся сумерки затушёвывали речную гладь непроницаемой чернильной тенью, а мне ужасно не хотелось возвращаться к месту стоянки.

Хотелось оказаться где-нибудь подальше и от неверной подруги, и от очаровавшего её парня. Подальше-подальше. Желательно, на другом оконечье мира. У меня аж перед глазами это другое оконечье замаячило. Причём из-за недавних разговоров представилась мне именно одинокая башня с Пустынных земель. Я слабо верила, что её хозяин — это абсолютное зло. Ну не умер он, отняв у кого-то жизнь, подумаешь! Кто сказал, что это воспитанник Лесной Повелительницы, а не другой повинен в гибели Темника?

Одним словом, я так сильно захотела оказаться в той башне, что объявила об этом во всеуслышание. Просто из чувства противоречия объявила, чтоб эти, там, знали, как мне надоела их компания. Но... Сильное, искреннее желание, произнесённое возле открытой текущей воды, было принято Ручейником за то самое волеизъявление, которое и следует выполнить.

Я не успела ни испугаться, ни удивиться, когда из воды раздался ворчливый голос невидимого существа:

— Ну башня так башня! Тока опосля не плачься.

И во мгновение ока я оказалась не на речном берегу, а в тёмном помещении с низким потолком и без окон. Единственным источником света здесь служила сиротливая гнилушка. Толком рассмотреть, где я, было невозможно. Каменные стены, приземистая дверь на тяжёлых

петлях. Не так чтоб сыро, скорее неуютно, а больше никакой информации. Дверь я успела и подёргать, и попинать, но та не поддавалась. Это меня сюда пленницей занесло, что ли? Не успев подумать, что делаю, я во весь голос обрушилась на провинившуюся дверь с пожеланиями той разлететься мелкими щепками. Что та и исполнила буквально: щепки, брызнувшие во все стороны, были и впрямь мелкими. Я едва успела прикрыть лицо рукавом, чтобы глаза не пострадали.

Вот это да! Вот это я. Но гордиться было не время. Стоило как можно скорее бежать, не дожидаясь разгневанного хозяина. А чего ж, на его месте я бы тоже не радовалась, когда незнамо кто вздумал моё жилище разносить в щепки. Испепелит он меня на месте, а его потом и обвинят во всяких мерзостях-жестокостях. Хотя он меня сюда не приглашал, силой не заманивал, и вообще пострадавшая сторона.

Как обычно, всё это я бубнила себе под нос, по сторонам в спешке не смотрела и, выскочив из тёмной комнатёнки, чуть не сбила с ног высокого, худощавого мужчину в просторном балахоне, в изнеможении привалившегося к стене тесного коридорчика и издававшего хриплые, полузадушенные звуки. Он не то задыхался от грудной болезни, не то кого-то оплакивал, рыдая. Но за руку ухватил крепко, вырваться не получалось. Я пару раз дёрнулась и затихла. А он, со смехом взглянув прямо на меня, покачал головой и свободной рукой утёр выступившие на глазах слёзы:

— Я? Пострадавшая сторона? Так меня ещё никто не называл. Ты уникальное создание, я рад, что не ошибся. Идём.

Мою руку он выпустил, беспечно повернулся спиной к человеку, способному походя разнести крепкую дубовую дверь, и направился к узкой винтовой лестнице, ведущей вниз. Нет, что за пренебрежение моей возможной опасностью, а? Я даже обиделась. И всё время, пока продолжался бесконечный спуск по каменным ступеням, переживала по этому поводу. А потом вспомнила его слова, что он во мне не ошибся. И задумалась, а так ли случайно мне захотелось оказаться в этой башне? А потом на ум пришло, что не стала бы Повелительница предостерегать нас от того, в чьей злонамеренности не была бы совершенно уверена. Хотя, а что я о ней самой знаю? Да и с другой стороны, чего этому магу в своей собственной башне опасаться? Наверняка уже все возможные щиты выставил. Это я дверь почему так легко разломала? Он просто не ожидал подобного, а теперь должен был подготовиться. А потом мысли закончились, потому что мы оказались в самом потрясающем месте, какое мне бы и во сне приснилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.